

Александр Антонов

ПЯТЬ ИЗ ШЕСТИ

Приключенческий
роман

Александр Антонов

**Пять из шести.
Приключенческий роман**

«Издательские решения»

Антонов А.

Пять из шести. Приключенческий роман / А. Антонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939012-7

Тебе уже за пятьдесят. Ты смирился с тем, что жизнь прожита и не ждёшь уже никаких изменений. Можешь ли ты предположить, что судьба уже отворила воронку, которая через мгновение затянет тебя в круговорот необычайных, удивительных, но и опасных, событий? А что у твоей судьбы военная форма с эмблемами спецслужб, а на плечах два разных погона: один российский, а другой американский — ты знаешь? Нет? Скоро узнаешь! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939012-7

© Антонов А.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	28
Глава четвёртая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пять из шести Приключенческий роман

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2018

ISBN 978-5-4493-9012-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая ТА СТОРОНА ЗЕМЛИ

Глава первая

Этой ночью куда-то запропастилась луна; море было видно лишь на самом краешке прибоя, где до воды доставал фонарный свет. Ночной бриз надувал с верхнего парка терпкий субтропический аромат. Близь берега он смешивался с запахом моря, создавая обалденный коктейль. Море, против обыкновения, не ворчало, а скорее что-то нашёптывало. Воздух, отторгнув дневной зной, окутывал плечи приятным теплом, потому ветровка, прихваченная на всякий случай, мирно покоилась на балюстраде. Около ветровки, облокотившись на перила, стоял я: немолодой мужчина в сланцах на босу ногу и приспущенной поверх спортивных брюк футболке.

Предполуночный моцион стал обязательным ритуалом с того момента, как я вселился в одноместный номер одного из корпусов раскинувшегося по-над Чёрным морем санатория. Мой, а также соседний корпуса располагались внизу у самого пляжа и отделялись от него набережной, на которой я сейчас находился. Остальные здания были понатыканы над обрывом выше по склону, и утопали в объятиях шикарного субтропического парка. От парка к набережной вела витая многомаршевая лестница. К услугам тех, кто не желал утруждать ноги пересчётом каменных ступеней, имелся лифт, соединённый с набережной тоннелем.

Я с удовольствием вдыхал свежий ароматный воздух, слушал, не вслушиваясь, бормотание прибоя и шаг за шагом приближался к блаженству. Увлёкшись саморелаксацией, я не обратил особого внимания на приближающиеся шаги, отметив их наличие где-то на периферии сознания. Даже то, что шаги смолкли за спиной, не заставило меня ни сменить позу, ни тем более повернуться. Потом я почувствовал взгляд, который прошёлся по моим тылам от пяток до затылка. Не было ни страшно, ни неприятно, но лишь слегка щекотно. Прозвучавший за спиной женский голос положил конец моему уединению.

– Я так понимаю, Аристарх Вяземский, вы являетесь поклонником ночных бдений?

Стоять спиной к женщине, которая, к тому же, назвала тебя по имени, было, как минимум, невежливо, и я повернулся на голос. Часть набережной позади меня занимал огромный тент, под ним деревянные скамьи. На них любят сидеть, а чаще лежать, обитатели санатория, в жаркие дневные часы, находя здесь спасение от солнца. Сейчас скамьи были пусты и лишь на одной из них, той, что была ко мне ближе, сидела женщина. Неяркий свет горящих на набережной фонарей позволил разглядеть и фигуру, и даже лицо, но лучше всякого грима скрыл истинный возраст моей неожиданной визави. Определённо не девочка, где-то от тридцати, скорее всего с хвостиком, далее – вплоть до ягодки. Лёгкий длиннополый сарафан хоть и не просвечивал насквозь, но и не скрывал очертаний не лишённой изящества фигуры, чему в немалой степени способствовала принятая женщиной поза. Она сидела, откинувшись назад, опираясь на собственные руки. Голова с коротко стриженными волосами слегка запрокинута.

Пригласив меня к диалогу, женщина ждала ответа, и я не стал затягивать паузу.

– Вы совершенно правы, с одной лишь поправкой: мои бдения скорее полуночные, нежели ночные, ибо время от полуночи до рассвета я предпочитаю проводить всё же в кровати. – Чтобы мои слова не прозвучали как двусмысленность, я продолжил без паузы: – Вы назвали моё имя, мы знакомы?

Явно обрадованная тем, что меня не покорило её довольно бесцеремонное вторжение в мой интим, незнакомка поспешила ответить:

– Официально друг другу мы представлены не были. Я видела вас пару раз в ресторане, а имя узнала сегодня вечером на караоке-шоу.

Ну конечно, караоке-шоу! Где я ещё мог так явно засветиться? Любовь к пению была заложена во мне на генном уровне. И мать, и особенно отец слыли в любой компании отличными певунами. Я же с детства не обладал ни хорошим голосом, ни абсолютным слухом и, если бы не караоке, вряд ли приумножил славу родителей. Но это поистине революционное изобретение позволяло всякому ощутить себя певцом, хотя бы внутри отдельно взятой квартиры, было бы желание. Моё желание постепенно превратилось в страсть и – о чудо! – и связки разработались, и слух обострился. Правда, на публике я пел не часто, исключительно в кругу близких и друзей, а на широкой публике не пел вовсе, вплоть до нынешнего приезда в санаторий. А тут увидел объявление, приглашающее принять участие в караоке-шоу, и решился. Сегодняшнее выступление было по счёту пятым или шестым. Впрочем, важно не это, важно то, что принимали моё пение весьма благосклонно и даже периодически вызывали на бис. Вот и незнакомка попала в число моих поклонниц – или нет? А вот возьму и спрошу её об этом!

– И как вам понравилось моё выступление?

Боже, ну и вопросик, эк меня понесло. А вот как скажет сейчас какую-нибудь гадость и приложит мордой об асфальт! Но, слава богу, ничего подобного не случилось. Ответ был прост и лаконичен.

– Мне действительно понравилось, и я решила познакомиться с вами поближе. Нет, – пресекла она мою попытку как-то отреагировать на её слова, – я ещё не успела ничего придумать, и эта встреча совершенно случайна.

– Но я никогда не видел вас здесь в это время, – усомнился я в правдивости её слов.

– Ну, это совсем просто, – рассмеялась она. – Во-первых, я всего три дня в санатории. Во-вторых, я возвращалась в свой номер после купания и вовсе не собиралась гулять, но увидела одинокую фигуру и решила подойти – женское любопытство, знаете ли...

В подтверждение своих слов незнакомка слегка изменила позу, и я увидел лежащее за её спиной полотенце.

– Что-то не разглядел вас на пляже. – Я тупо продолжил гнуть своё, хотя уже и не понимал, зачем, собственно, это делаю.

– А я с другого пляжа иду. Для тех, кто живёт в VIP-зоне, оборудован собственный пляж – вы не знали?

Этого я действительно не знал. То есть про VIP-зону, где отдыхают особо белые люди, я, конечно, слышал и даже видел отгороженные от мира симпатичненькие коттеджи, но с их обитателем сталкивался впервые. Незнакомка, видимо, почувствовала мое смятение и потому спросила:

– Что-то не так?

Я поторопился отогнать нелояльные мысли и как можно мягче ответил:

– Нет, всё в порядке, просто это было неожиданно, – и вновь, не давая ей времени на осмысление моих слов, продолжил: – Ну, раз всё так удачно для нас обоих сложилось, давайте знакомится: Вяземский Аристарх Игоревич, клерк из Москвы.

– Вяземская Екатерина Михайловна, домохозяйка из Рагвая.

Шок не шок, но нечто похожее я в этот момент испытал. Однофамилица и иностранка с русскими корнями. По отдельности это ещё терпимо, но в комбинации два в одном выглядело перебором. Хорошо хоть, что теперь не было нужды гадать, откуда взялся лёгкий акцент. Пауза затягивалась. Я понимал, что должен что-то сказать, но все фразы, приходившие в слегка ошалевшую голову, были одна банальнее другой. Всё шло к тому, что я от безысходности ляпнул бы какую-нибудь несуразицу. Очевидно, это настолько отчётливо проступило на моём лице, что Екатерина решила мне помочь и сменила тему.

– Аристарх, вы любите купаться по ночам?

Странный, согласитесь, вопрос, но теперь я, по крайней мере, мог хоть что-то сказать.

– Не буду врать, была такая мысль. Вот только воплотить в действительность пока не решился.

– Так может, прямо сейчас и воплотите?

Может, мне и показалось, – поди, разбери при таком освещении – но пока она говорила, в её глазах лихо отплясывали четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка. Видимо, моя новая знакомая по-своему истолковала вновь накотивший на меня приступ неразговорчивости. Она делано вздохнула и произнесла покаянным тоном:

– Вы простите, Аристарх, вечно я говорю что-то не то.

Ладно, голубушка, сделаю вид, что готов играть по твоим правилам.

– Вам не за что извиняться, Катя, – можно я буду называть вас так? – тем более что вы совершенно правы: почему бы не искупаться? – Я зашёл за спину госпожи Вяземской, быстро избавился от лишней одежды, оставшись в плавках и сланцах, после чего решительно направился в сторону лестницы, ведущей с набережной на пляж. Я шёл и представлял, как чёртики в её глазах показывают языки мне в спину. Но оборачиваться не в моих правилах...

Сланцы я скинул у кромки воды и начал осторожно заходить в море. Вы знаете, что такое купаться, когда вода теплее воздуха? Заходить в такую воду очень даже приятно, а вот выходить... Впрочем, до этого ещё далеко. А пока я поплаваю и подумаю. Итак, эта ночь принесла мне нечаянное знакомство с особой по имени Екатерина Вяземская. Нечаянным, знакомство, было, разумеется, с моей стороны. Другая сторона к нему стремилась и, кстати, этого не скрывала. То, что встреча не была спланирована заранее, – поди, проверь! – сути не меняло. А мне это надо? Не знаю, и не узнаю, пока не выясню истинных намерений госпожи Вяземской. Может, родственница, какая? Хотя навряд ли. Фамилия, скорее всего, по мужу, а у меня за границей бывшего Союза родственников нет. Что ей из-под меня понадобилось? Банальный секс, стыдливо именуемый курортным романом? Ха-ха три раза. Во-первых, я прекрасно знаю, что не тяну на мачо, а женщины это чувствуют на расстоянии. Во-вторых, зачем так сложно? На большом курорте в разгар сезона всё делается куда проще: «Вы привлекательны, я чертовски привлекательна, так к вам или ко мне?». Разве что у них в Рагвае это как-то иначе. Но что-то мне подсказывает, что Катюша стала иностранкой не так давно, и нашу внутреннюю кухню знает хорошо. И если я прав, то сегодня Катю больше не увижу. Прочь из воды, ноги в сланцы и бегом – зябко, однако! – к скамейке. Одежда на месте, Кати нет – кто бы сомневался! Подхватываю брюки и всё остальное в руки и бегом в номер, под душ и баиньки...

Вовсе не думать о ней я не мог, потому просто отогнал мысль на дальнюю стоянку, где и оставил до времени. За день мы нигде не пересеклись, хотя я не менял обычного распорядка. А может, именно поэтому? Может, мой и её распорядки шли строго параллельными курсами и не предполагали пересечения? Лукавил ли я, давая волю подобным измышлениям? Конечно, лукавил! Я абсолютно точно знал, где сегодня увижу Катю...

**

Караоке-шоу шло к завершению. Поначалу, вроде как для разогрева, к микрофону допускались все желающие. Потом наступал черёд признанных исполнителей. Наша обойма завершала программу, одновременно давая старт танцевальному марафону, который, по традиции, будет продолжаться до последнего танцующего. Исполнять песни, которые люди будут не только слушать, но и танцевать под них, было и ответственно, и приятно. Мой хит вызывали трижды. И не только потому, что под него, со слов одной из моих поклонниц, «так кайфово

танцевать медляк», но и потому, что сегодня я был в ударе. В мой голос добавились особо чувственные нотки, и это не осталось незамеченным. Пел ли я сегодня специально для неё? Осознанно – нет, а подсознательно... кто бы знал? Во всяком случае, она наверняка посчитала именно так.

Как только непрофессиональных певцов поменяли на профессиональную фанеру, и я оказался на общем положении, Катя тут же возникла рядом и в этот вечер меня уже не отпустила. Мы много танцевали. Постепенно танцы, по хотению моей партнёрши, превратились в обжиманцы, так что к концу вечера я знал о Катиной фигуре достаточно много. Расстались мы у калитки VIP-зоны. При прощании Катя подставила губы, я ограничился чмоки в щёчку и, не оборачиваясь, пошёл в сторону своего корпуса.

Телефонный звонок, заставший меня во время бритья, обломал кайф. Шипя и сквернословя, я прошлёпал в комнату. Голос в трубке принадлежал Екатерине.

– Какие у тебя на сегодня планы?

Мы уже на «ты»? С какой такой радости...

– Извини, совсем память отшибло, когда мы с тобой пили на брудершафт? – Сказал, и тут же принялся злиться уже на себя за излишнюю резкость. Но Катя только рассмеялась.

– Ну, не будь таким букой. С утра перейдём на «ты», а вечером уладим формальности – идёт?

– Идёт, – буркнул я. А что ещё оставалось делать?

– Вот и чудненько. Так какие у тебя планы на сегодня?

– Вечером пью с тобой на брудершафт. До этого я абсолютно свободен.

Катя вновь рассмеялась. Смех, надо признать, ей очень шёл.

– Предлагаю после завтрака совершить вылазку в город.

Мне совсем не улыбалось менять прохладу прибрежной зоны на едкий зной городских улиц, но разочаровывая Катю хотелось ещё меньше, поэтому я бодрым голосом ответил:

– Готов выполнить любой каприз...

... – За мои деньги, – смеясь, закончила Катя, и, не дав хоть что-то вставить, положила трубку.

Я же трубку не положил, а скорее, швырнул. Вот, стерва, за кого она меня держит?! За её, видите ли, деньги. Что я, альфонс какой-нибудь? Но пока я выходил на набережную, пока шёл по тоннелю к лифтам, пока шагал по парку к ресторану, я успел основательно остыть и начал мыслить более рационально. А что, собственно, произошло? Начало шутке положил я, она её только закончила. Не думаю, что если бы вся фраза была произнесена мной, получилось бы смешнее. К началу завтрака я пребывал уже в добром расположении духа и потому ел с аппетитом.

Катя ждала в холле ресторана. Когда мы вышли на улицу, она направилась к ближайшему выходу из санатория. Я легонько придержал её за руку.

– Нам лучше выйти через другие ворота. Оттуда намного ближе до автобусной остановки. Катя лишь покачала головой.

– Как вы, мужики, любите выставлять нас дурами. Поверь: мой путь намного короче.

Устраивать семейную сцену в мои планы не входило, и я молча последовал за спутницей. За воротами нас ожидал кабриолет с откинутым верхом.

– Я заказала машину на целый день, – пояснила Катя.

**

В этот приезд я уже совершил обзорную экскурсию по городу на автобусе, но быстро признал, что делать то же самое, сидя в шикарной машине, гораздо приятнее. Целый день мы колесили по вытянувшемуся вдоль береговой линии городу, который на несколько лет превратился в одну большую стройку. Большинство будущих олимпийских объектов являли собой лишь скелеты архитектурных шедевров, но впечатлял размах задуманного.

Ужинали на открытой террасе гламурного ресторана, примкнувшего к главной городской набережной. Столик выбрали у края, поближе к морю, подальше от эстрады, откуда доносились звуки вполне пристойной танцевальной музыки. А нам по душе был шелест морских волн, накатывающих на галечный пляж. Были, конечно, и танцы, чуть позже, между основным блюдом и десертом. А вначале мы, как и условились, выпили на брудершафт. Не предавая церемонии излишнего эмоционального окраса, завершили её лёгким соприкосновением губ. После ресторана под ручку продефилировали по набережной в сторону морвокзала, где ожидал автомобиль.

...На центральной аллее санатория установлено много симпатичных скамеечек. В час Быка их обычно занимают парочки. Подсаживаться считается неприличным, впрочем, попадают граждане, на себя это правило не распространяющие...

Мы остановились у входа в VIP-зону. Я заглянул в глаза спутнице, разглядел в них массу хмельных чертей и почти обречённо поинтересовался:

– Будем прощаться?

– Не хочу прощаться, хочу купаться! – решительным тоном заявила Катерина.

Я вздохнул про себя. Моя новая подруга была гораздо пьянее, чем выглядело со стороны. Видимо, в подпитии телом она владела лучше, чем мозгами.

– Ну, куда тебе купаться, ночь на дворе... – начал я и осёкся, вспомнив про любовь Кати к ночным купаниям. – Тем более ты без купальника. – Отмазка была никудышная, что тут же и подтвердилось.

– А я буду купаться голой, – заявила Катя, с вызовом глядя мне в глаза.

Ни бросить её, ни согласиться с прихотью, которая наверняка являлась лишь увертюрой к банальной мыльной опере, я не желал, поэтому заговорил жёстко и даже жестоко:

– Если ты рассчитываешь на секс, то должен тебя огорчить – его не будет!

– Это ещё почему? – возмутилась Катерина. – Я тебе что, не нравлюсь? – Не получив ответа, она подозрительно посмотрела на меня. – Или ты гомик? А это мы сейчас проверим! – Она плотно прижалась ко мне всем жарким телом. Так мы простояли несколько секунд. Потом Катя отстранилась и удовлетворённо промурлыкала: – Реакция как у нормального самца... В чём проблема?

Я не собирался юлить и уходить от ответа. Другое дело, объясняться с пьяной женщиной полагал занятием малоперспективным.

– Может, отложим выяснение отношений на завтра? – предложил я, старясь говорить мягче.

– Нет, сегодня и сейчас! – пьяно мотнула головой Катерина.

– Тогда, может, всё-таки, не здесь? – спросил я, внутренне капитулировав.

Катя осмотрелась по сторонам и кивнула:

– Давай не здесь.

Мы таки нашли в огромном парке укромный уголок, где Катерина произнесла требовательным тоном:

– Ну?..

Вам приходилось изливать душу друзьям и близким? Помните, как нелегко, как приходится дозировать сбрасываемую информацию, чтобы не травмировать родственную тебе психику чрезмерным душевным стриптизом? А откровенничать со случайным попутчиком? Правда, намного проще? Рассказал о самом сокровенном, выпростал душу и успокоился. А он выслушал и забыл. И расстанётесь вы навсегда, довольные друг другом. Кем для меня была на тот момент Катя? Таким вот случайным попутчиком и была. А раз так, то слушай, коли напросилась.

– Понимаешь, Катя, я всегда был робок с женщинами. Нет, завязать знакомство, беседовать на интересные темы, что называется «составить компанию», это я мог, это пожалуйста! А вот затащить бабу в койку, – ты прости, Катя, за грубое, но точное определение – это у меня не получалось, при всём том, что импотентом я никогда не был. Много позже, я нашёл-таки причину этим своим бедам, а поначалу очень даже страдал. Пока не женился. И тут всё как-то само собой устаканилось. И лишь сравнительно недавно понял, что во мне не так. Видно, в детстве заложил мне кто-то в мозг трояна: не ложись в постель ни с кем, кроме жены законной. Вирус мне в программу запустили, значит...

– А девки с антивирусом рядом не нашлось... – пробормотала себе под нос Катерина.

– Что? – от неожиданности я не сразу врубился в то, что она сказала.

– Ничего. Это я о своём, о бабском. Ты продолжай.

– А... девка с антивирусом против моего трояна? Смешно. Но ты права, такой не нашлось. Вот так и сложилось, что любовь я крутил с одной-единственной женщиной.

– Счастливая...

– Кто счастливая?

– Жена твоя.

– Может и так, но не я причина этого счастья. Мы давно разошлись.

– А как же?..

– А так. Разошлись, но периодически спим вместе.

– Во как...

– Да, вот так. Но может, хватит на сегодня откровений? Я полагаю, планы относительно моей персоны у тебя переменялись – нет?

– Да, – Катерина поднялась со скамьи. – Проводи меня...

Пока мы шли к VIP-зоне, я с удивлением отметил, что моя спутница практически трезва. Выходит, мои откровения подействовали на неё не хуже алкозельцера?

На прощание Катя скоро чмокнула меня в щеку и упорхнула за калитку. Я спустился на набережную, но в корпус зашёл только после того, как искупался.

С утра меня раздражало всё. Солнце, которое медлило показаться из-за невидимых отсюда гор. Море, вальяжно облизывающее каменистый пляж. Воздух, провонявший благовониями. Особенно раздражали люди, беспечно снующие перед глазами. Радовало одно: я знал и причину раздражения, и как от него избавиться. Вчера вечером, во время сеанса душевного стриптиза, я вынужденно расстегнул доспехи спокойствия и уравновешенности, за что и поплатился: схватил изрядную долю негатива. Как раз бурлящая во мне негативная энергия и создавала пелену перед глазами, сквозь которую мир виделся серым и безрадостным.

Наскоро позавтракав, я направился в уединённый уголок, который вчера так кстати был найден. Здесь и сегодня никого не было, и я мог спокойно приступить к изгнанию бесов. Многолетний опыт мракоборца позволил мне быстро перестать акцентировать внимание на источнике плохого настроения. Теперь оставалось только ждать, когда негативная энергия отхлынет от головы, стечёт вниз по туловищу, растечётся у ног и начнёт испаряться.

На этот раз весь процесс занял около часа. Мир вновь наполнился ласкающими звуками и красками. Можно было приступить к неспешному анализу сложившейся ситуации. Но, уже не в одиночку. Ко мне приближалась Катерина.

– Привет! Я так и знала, что найду тебя здесь.

Нарочито бодрый голос моей подруги говорил о смятении её души, что давало мне, от смятения только что избавившемуся, некоторое преимущество.

– Здравствуй, Катя, рад тебя видеть! – моя искренняя улыбка понеслась навстречу вымученной улыбке Катерины.

На лице подруги высветилось разочарование, которое она тут же не преминула озвучить:

– Я ищу его по всему санаторию, думаю, переживает, наверное, бедненький, а он сидит свежий, как огурчик с грядки, и лыбится!

Понятное дело, ей хотелось обнаружить меня в раздраенных чувствах, чтобы потом утешить, реализовав, таким образом, материнский инстинкт. Придётся ей подыграть.

– Так я и переживаю, Катя, можешь не сомневаться. А улыбка, это так, защитная маска.

Катерина с сомнением покачала головой:

– Что-то не похоже...

Не прокатило. Артист из меня, видимо, никудышный. Будем говорить правду.

– Если я сейчас и соврал, то наполовину. С утра действительно было очень паршиво. Потому сюда и забился. Но есть такое специальное упражнение для избавления от негатива. Результат перед тобой.

Вот теперь, похоже, поверила. По крайней мере, сомнения на лице поубавилось.

– Научишь меня этому?

– От негатива избавляться? Научу. Но только после того, как объяснишь, зачем я тебе понадобился?

Растерялась Катерина. Такого вопроса она явно не ожидала. Интересно, сразу начнёт врать, или поюлит для приличия? Перед тем, как ответить, пытается изобразить недоумение вкупе с лёгкой стыдливостью:

– Я думала, ты сам догадался...

Значит, решила поюлить... Таким путём мы будем добираться до истины очень долго, если доберёмся вообще. А если попробовать ломануть напролом?

– Обидеть хочешь?

– Чем?! – Удивление вполне искреннее. Уже хорошо.

– Тем, что пытаешься свести наши отношения к банальному курортному роману.

– А тебе, значит, это кажется недостаточным? – В голос вернулась уверенность. Возмущение выглядит вполне натуральным. Сейчас попробует сразить наповал. – Не много ли ты о себе возомнил?

Уверена, что попала. Глядит торжествующе. Мимо, прелесть моя, мимо. Добавляю в голос сухости.

– Вот тут ты права. Мню я о себе, в плане женского ко мне внимания, не много. Ни разу не был в роли героя-любownika, и неоднократно в роли жилетки, в которую можно поплакаться. Так что давай, выкладывай, что у тебя приключилось?

Задумалась наша Катя. Похоже, попал я в точку. Ну, давай, колись, не тяни. Пододвинулась поближе, взяла мою руку в свои ладошки и заговорила, не глядя в глаза:

– Ладно, коли ты такой проницательный, слушай исповедь бывшей стриптизёрши...

Сделала паузу. Собирается с мыслями или ждёт реакции? Я молчу, креплюсь.

– Тебя мама как называла?

Зачем это ей? Кажется, догадываюсь: имя Аристарх звучит слишком официально. Ну, лови.

– Мама звала меня Аришаша.

– Как? – Катерина чуть не поперхнулась. – Нет, это ещё хуже. То есть, я не то хотела сказать. Извини. Как тебя звали или зовут друзья?

Другое дело. С этого надо было начинать.

– Старх.

– Старх? А что, мне нравится, можно я тоже буду тебя так называть?

– Сделай одолжение, – любезным тоном ответил я, а про себя добавил: «Временно. Какими мы будем друзьями, зависит от того, что ты расскажешь».

– В стриптизёрши, Старх, я попала прямо из художественной гимнастики. Когда поняла, что чемпионки из меня не выйдет, а красиво жить хочется, ушла из большого спорта, сменив обруч на пилон. Стесняться обнажать тело перед посторонними я перестала ещё будучи гимнасткой, способность к танцам была заложена во мне с детства, поэтому я довольно быстро стала звездой ночных клубов. Знаешь, что является основным достоинством стриптизёрши? Девственность. На девственницу идут смотреть с большей охотой. Ко мне была даже приставлена специальная охрана, чтобы, не дай бог, кто не покусился на моё сокровище. Конечно, всё это было временно. Впереди ожидало или удачное замужество или панель. Я не думала ни о том, ни о другом – я надеялась вовремя соскочить. Наивная дурочка! Мечтая о свободе, я пропустила пару очень выгодных браков и в итоге упустила шанс. Меня продали. За очень большие деньги и без моего, разумеется, ведома. Я же купилась на выгодный контракт: турне по лучшим клубам одной из азиатских стран, хотя и училась в то время на третьем курсе филфака. Но ведь филфак не юридический, и меня элементарно развели. Сама не поняв, как, я оказалась и в шелках и в долгах одновременно, превратившись в одночасье в привилегированную рабыню. Клетка, в которую меня заперли, была золотой и в прямом и в переносном смысле, но путь из неё был только один: в гарем к какому-нибудь шейху. И тут случилось чудо. Меня выкупили. Моим избавителем, а вскоре и мужем, стал выходец из русской эмигрантской семьи, обосновавшийся ещё в прошлом веке в Рагвае Сергей Сергеевич Вяземский. Незадолго до нашей встречи жена подарила Сергею дочку, а сама при родах умерла. Жизнь в далёкой латиноамериканской стране не стала для меня раем. Ни семья Сергея, ни, тем более, родственники его бывшей жены, меня не приняли. И если бы не любовь, которую мы питали друг к другу, эта жизнь вполне могла превратиться в ад. Шли годы, и мне стало казаться, что всё пришло в норму. Я старалась быть хорошей мачехой для дочери Сергея Люсии. Отдавала ей всю нерастрченную на Сергея любовь, иногда даже подворовывая от нашего с ним счастья. Своих детей у нас долго не было. Видимо, на моём здоровье сказались годы, проведённые в неволе. Постепенно окружающие свыклись с моим присутствием и перестали, хотя бы явно, выражать неприязнь. Но я так и осталась своей для Сергея и чужой для остальных его родственников. Потом случилось несчастье: Сергей погиб при очень странных обстоятельствах. А ещё через некоторое время я узнала, что беременна. Ребёнок, мальчик, родился переносным, чуть позже девяти месяцев после смерти Сергея. Впоследствии это обстоятельство послужило причиной моих нынешних проблем. Но тогда я была очень счастлива тем, что родила Сергею наследника, пусть он про него так и не узнал. Именно тогда я, наверное, допустила роковую ошибку, перекинув всю любовь, ранее достававшуюся Сергею, на сына. Люсия продолжала получать столько же внимания, сколько и раньше, но этого было явно мало, и этим воспользовались. Многочисленные дядюшки и тётушки с обеих сторон стали настраивать девочку против меня. По завещанию, оставленному Сергеем, я являюсь наследницей половины принадлежавшего ему имущества и опекуном его дочери, которой принадлежит вторая половина. Опекунство моё заканчивается замужеством Люсии, которое не может произойти ранее достижения ею восемнадцатилетия. Родственники Люсии научили её сдерживать растущую неприязнь ко мне, чтобы я не почувствовала опасность раньше того момента, когда уже ничего нельзя будет исправить. В этом году дочери Сергея исполняется восемнадцать лет.

Катерина смолкла, погрузившись в какие-то невесёлые мысли.

– Я так понимаю, случилось нечто неприятное? – осторожно спросил я.

– Неприятное? – очнулась Катерина. – Если наезд асфальтового катка считать неприятностью, то да, неприятное.

– Мужнина родня? – догадался я.

– Они самые, притом по всем линиям: и по бабушке и по матушке. Началось всё с того, что на одной из позовушек – можешь называть это званым обедом – переплелись мы языками с одним из кузенов. Дёрг, подёрг, он мне и выложил: мол, скоро Люське – это они так Люсию кличут на русский манер, мать-то у неё была из местных, – восемнадцать стукнет. Мы её замуж выдадим, и муж её, как первый по прямой линии мужчина после Сергея, получит доступ к наследству Вяземских. А тебе и ублюдку твоему облом выйдет. Это он так про меня и сыночка моего Серёженьку сказал. У меня аж в глазах помутилось. Но в тот день скандалу разгореться не дали: подбежали, растащили, усмирили. А уже на следующий день прибыл ко мне с официальным визитом дядя Сергея, Михаил Сергеевич Вяземский, и от имени всей мужниной родни зачитал ультиматум. Мне было предложено написать письменное заявление об отказе на право обратиться в суд о пересмотре завещания Сергея.

– А разве такое было возможно? – удивился я.

– Представь себе, да. До начала процедуры выделения Люсии её доли наследства я могла потребовать включить в список наследников сына Сергея. В случае положительного решения мне Люсии и Серёже могло достаться по одной трети от наследства.

– Понятно. И чем же они мотивировали своё требование?

– Тем, что я родила Серёжу после того, как истекли девять месяцев со дня гибели его отца.

– То есть, намекали на то, что ребёнок может быть не от твоего мужа, – понимающе кивнул я. – А как же генетическая экспертиза?

– Её надо было делать сразу после рождения Серёженьки, когда ещё можно было найти материал для идентификации.

– Ну, хорошо, а эксгумация?

– Спустя восемь лет? Этого бы и родственники не позволили, да и я бы не решилась.

– погоди! – воскликнул я. – Можно ведь привлечь для анализа кого-либо из родственников твоего мужа.

Катя грустно покачала головой.

– Этот вариант они предусмотрели. Старший сын Михаила Сергеевича подтвердил бы под присягой, что утешил вдову сразу в день похорон.

Я не выдержал и сматерился, после чего сразу же извинился перед Катей.

– Не извиняйся, – отмахнулась она. – По крайней мере, это говорит о твоём искреннем сочувствии.

– И как же ты поступила? – спросил я после непродолжительного молчания.

– Подписала бумагу, чтобы уберечь сына от позорного разбирательства.

– Так может, оно и к лучшему? – успокаивающе произнёс я.

– Ты не понимаешь, – покачала головой Катя. – Своей подписью я фактически вывела Серёженьку за круг семейства Вяземских. И чёрт бы с ними, если бы не наследство.

– О каком наследстве ты говоришь? – переспросил я. – Ведь если я всё понял правильно, половина всё равно остаётся за вами?

– То Серёжино наследство, а то наследство Вяземских.

– Стоп! – моё сознание штормило. – Будь любезна, поясни, в чём тут прикол?

Екатерина посмотрела на меня, видимо тоже заметила приближение шторма и потому без лишних слов исполнила просьбу.

– Когда я говорю про Серёжино наследство, я имею в виду наследство, оставшееся после моего покойного мужа. Когда я говорю о наследстве Вяземских, я имею в виду банковскую ячейку, ключ от которой хранится в нотариальной конторе.

Катя замолчала. Похоже, мне предлагают поиграть в вопросы-ответы. Ладно, мы не гордые.

– А подробнее нельзя: что за ячейка и какое отношение к ней имел твой покойный муж? И опять вздохи поперёд ответа. Спокойно, Ипполит, спокойно...

– Шкатулка, вернее небольшой ларец, принадлежала прадеду мужа и его полному тёзке Сергею Сергеевичу Вяземскому. Дворянин по рождению и офицер по призванию, прадед Сергея воевал против большевиков в составе «Каппелевского» корпуса. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. После перезахоронения гроба Каппеля в Харбине осенью 1920 года эмигрировал в Америку и в конечном итоге обосновался в Рагвае. Перед смертью передал ларец своему старшему сыну, деду Сергея. Воля умирающего в отношении ларца была, мягко говоря, странной, но исполняется и по сей день. Ларец запрещено открывать до определённой даты. Хранителями ларца назначались прямые потомки прадеда моего мужа. При этом в случае отсутствия у хранителя сыновей ларец передавался старшей дочери, которая обязательно должна быть замужем за потомком русского офицера. Волей первого хозяина ларца, открыть его может только мужчина. Дед Сергея поместил ларец в банковскую ячейку, а ключ передал на хранение в нотариальную контору. При каждой смене хранителя ячейка открывалась, сохранность ларца подтверждалась, и ячейка вновь запиралась. Последний раз ячейка открывалась после гибели Сергея в моём присутствии.

– То есть, на данный момент хранительницей ларца являешься ты? – уточнил я.

– Да, – кивнула головой Катя.

Как-то само собой в разговоре возникла пауза. Я обнял Катю, она положила голову мне на плечо, и мы замерли, размышляя о плотском, но не о плоти. Сколько мы просидели в уютной для обеих позе, не скажу, но молчание точно прервал я.

– Чем не подошла кандидатура твоего сына на роль хранителя наследства Вяземских, я спрашивать не буду – ответ очевиден. А тебе-то во всём этом, какая печаль?

Катя легонько отстранилась. Видимо, говорить о великом в расслабленной позе считала неправильным.

– Мой сын имеет больше прав открыть ларец, нежели будущий муж Люсии!

Открыть? Так вот в чём дело! Если моя догадка верна – понятно, отчего все так всполошились.

– Грядёт дата, когда можно будет отворить ларец, верно?

– Верно, – подтвердила Катерина. – Десятое октября 2010 года.

– 10.10.10, – протянул я. – Прям, мистика какая-то. Однако странный был прадед у твоего мужа.

Катя неопределённо пожала плечами.

– Видимо, не без того. Но меня волнует не это.

– А что? – искренне удивился я. – Бумаги ты подписала, а значит, не только отказалась от части наследства, но и лишила сына возможности стать хранителем.

– Ты так считаешь?

То, как она произнесла эту фразу, настораживало, но ответ на неё уже вертелся на кончике языка, и я не смог его удержать.

– Так считаю не я, так считают они, а я лишь констатирую факт. Или у тебя на этот случай припрятан туз в рукаве?

Катя рассмеялась весело и звонко, и я понял, что дуrom угодил в десятку.

– Та-ак, а вот с этого места давай-ка поподробнее, – попросил я.

– Охотно, – куда из её голоса подевалась прежняя печаль? – тем более что это может напрямую коснуться тебя.

Меня? И каким же это, интересно, боком?

– Есть у меня в Рагвае близкая подруга...

– Вот это новость! А я-то считал, что там у тебя одни недруги.

– Преимущественно да, но есть и исключения. И первой в списке исключений стоит Светлана Фернандес. Мы с ней подруги и по счастью, и по несчастью. Обе из России. Обе оказались в Рагвае, выйдя замуж за иностранца. Обе были любимы мужьями и отвергнуты их роднёй. Обе овдовели, правда, в разное время, и это сблизило нас ещё больше.

– Прямо, двойняшки какие-то, – ухмыльнулся я.

– И ничего не двойняшки, – возразила Катя. – Я, если ты заметил, шатенка, а Светка, она чёрненькая.

Сегодня шатенка, завтра блондинка, послезавтра кикимора зеленоволосая... Видимо, мои крамольные мысли как-то сумели переползти на лицо, потому что Катерина спросила с вызовом:

– Ты что, сомневаешься, что это мой естественный цвет?

– Ни в коем разе, – поспешил заверить я, и чтобы слегка сбить её с толку, тут же добавил:

– Так что там Светка?

– Светка? – теряя опасное мне направление мысли, переспросила Катя, – Светка по отцу татарочка, а я русская. К тому же она бывшая чекистка.

– Даже так? – удивился я.

– Представь себе. До встречи с Филиппе Родригесом – так звали Светкиного мужа – она работала в спецслужбах, притом в этом самом городе, правда забавно?

– Забавнее некуда, – подтвердил я. – И кем же она служила?

– Служат собачки, – неожиданно обиделась за подругу Катерина.

– А также большинство из тех, кто носит погоны, – возразил я. – Она ведь носила погоны?

– Не знаю... – растерянно протянула Катя. Потом лицо её озарилось. – Точно! Она мне говорила, что была офицером.

– Вот видишь, – забил я гвоздь по самую шляпку, – была офицером, значит служила. Рассказывай дальше.

– А дальше, приставили Светку сопровождать иностранную делегацию, возглавлял которую как раз Филиппе Родригес Фернандес. И случилась меж ними большая любовь, и увёз он её с собой в качестве законной жены.

– А то, что она агент спецслужб, ему было известно? – поинтересовался я.

– Представь себе, да!

– И всё-таки и женился, и увёз... Да, действительно, большая любовь.

Катерина снова вздохнула.

– Было это в прошлом году, а три месяца назад Филиппе умер.

– Романтическая история с печальным концом, и действительно похожа чем-то на твою, – подвёл я черту под отступлением от основной темы Катиного рассказа. – Так что тебе твоя Светка посоветовала?

– С чего ты решил, что она мне что-то посоветовала? – удивилась Катерина.

Читать лекцию на тему отличия мужской логики от женской я посчитал несвоевременным, поэтому ограничился вопросом на вопрос:

– А разве нет?

– Да, – кивнула головой Катерина, – она посоветовала мне выйти замуж, притом раньше Люсии.

– Постой, постой, – заинтересовался я. – Это для того, чтобы твой новый муж имел преимущество пред мужем Люсии в праве на вскрытие ларца – так, что ли?

- Именно так! – торжествующе кивнула головой Катерина.
- Мудро, – восхитился я. – Ай да Светлана! – И тут в моей голове начало формироваться жуткое подозрение. – А когда День рождения у Люсии?
- Первого сентября.
- То есть совсем скоро... И чего ж ты тогда делаешь в России. Или... – Я вопросительно посмотрел на Катерину.
- Да какие там, в Рагвае, мужа, – уклонилась моя подруга от прямого ответа.
- И ты решила найти мужа в России... – Я не столько спросил, сколько закончил за неё ответ.
- Да, – Катя слегка зарделась и отвела взгляд.
- И выбор пал на меня... – Я был беспощаден к кому-то одному из нас двоих, а может, к обоим сразу.
- Дело в том, – осторожно начала Катя, – что мне нужен фиктивный брак. О таком я могу попросить только мужчину, которому могу безраздельно доверять. Ты кажешься мне именно таким.
- Вот тут она угадала. Именно таким я и был. Отказать симпатичному человеку было противно моему естеству, правда, с одной оговоркой: просьба должна быть мне по силам. В том, что Катя мне симпатична, я не сомневался. Оставалось понять: по плечу ли мне предлагаемая ноша?
- Ну, допустим... – дипломатично начал я, но Катя тут же поломала весь протокол. Её лицо озарилось неподдельной радостью, которую она не преминула прокомментировать:
- Спасибо! Я так боялась, что ты откажешься. Прямо гора с плеч!
- Сказала – как печать поставила. Вот только моей подписи под бумагой ещё не было. Я почувствовал, как гора переползает с её плеч на мои, и попытался увернуться.
- Стопаньки, не так быстро, когда это я успел сказать «да»?
- Радость на Катином лице тут же сменилась недоумением.
- А разве ты сказал «нет»?
- Я в который раз восхитился женской логикой. Умеют ведь, когда им надо, исключать полутона: раз не сказано «нет», то, значит, сказано «да». Отодвинувшись от горы – пусть себе постоит пока между мной и Катериной – я принялся посвящать подругу в секреты логики мужской:
- Видишь ли, Катя. Открою тебе страшную тайну: между «да» и «нет» существует расстояние, порой очень значительное. Да, да, представь себе, существует. В настоящий момент я нахожусь примерно на полпути между крайними точками. И только от тебя зависит, к какой из них я направлюсь в следующую минуту.
- Катя посмотрела на меня с сожалением, однако усилием воли проглотила все те слова, которые хотела сказать сама, и произнесла те, которые хотел услышать я:
- И что же я должна сделать?
- Ничего особенного. Просто доходчиво объясни мне, во что я вляпаюсь... – Катя резко дёрнулась, и я поспешил поправиться: – Извини, «вляпаюсь» неправильное слово. Что я должен буду делать, помимо того, что поставлю подпись под брачным договором?
- Да ничего особенного, – пожалала плечами моя подруга. – По правде говоря, во все детали я хотела посвятить тебя после того, как...
- ... – Нет, солнышко, – перебил я её, – только «до», иначе никакого «после» не будет.
- Катя, было, снова дёрнулась, но я уже исчерпал запас извинений, и она сдалась.
- Полностью план выглядит следующим образом. Я под предлогом навестить родню улетаю с Серёжей в Россию...
- Так твой сын здесь? – удивился я.

– Да, не перебивай. Оставляю Серёжу в надёжном месте и ищу нормального мужика для фиктивного брака. Так я обеспечиваю безопасность для сына и получаю козырь в той борьбе, которую собираюсь вести по возвращению в Рагвай. Муж нужен мне исключительно для того, чтобы присматривал за Серёжей и прикрывал мой тыл, остальное я сделаю сама.

– А что ты собираешься делать – про то мне знать не обязательно? – уточнил я после того, как в разговоре возникла очередная пауза.

– Исключительно для твоей же пользы.

С этим я готов согласиться. Крепкий сон здоровью не помеха.

– Само собой, я беру на себя решение всех финансовых вопросов.

Теперь, пожалуй, мне ясно всё.

– Цифры озвучить сейчас?

Как только речь зашла о деньгах, в голосе Кати появились хозяйские нотки. Начинаю испытывать дискомфорт. Я хоть и не богатый, но гордый.

– С цифрами можно подождать до после того, как я скажу «да».

Иностранца такая фраза сразу бы поставила в тупик. Но Катя была своя, и лишь слегка повела бровью.

– Ты собираешься сказать «да»?

– Собираюсь, только немного подумаю.

– Как долго?

– Уже подумал. Да!

Всю жизнь знаю, что настроение женщины переменчиво, как питерская погода, и никак не могу к этому привыкнуть. Катя прильнула ко мне, уткнулась лицом в грудь и разрыдалась. Одной рукой я придерживал её спину, другой гладил волосы и смиренно ждал окончания паводка. Наконец всхлипывания утихли. Катя осторожно высвободилась из моих объятий, поднялась со скамьи, отошла в сторонку, повернулась спиной и стала приводить себя в порядок. Спросите, откуда у неё в руках появились все эти штучки – не отвечу, но я ещё не встречал ни одной женщины, у которой бы их при себе не было.

Глава вторая

Вот уже неделю я топчу родной московский асфальт. Если бы я знал заранее, какое хлопотное дело брак с иностранкой, может, с моих уст и не сорвалось бы то злополучное «да», подхваченное и унесённое свежим морским ветром. Самым сложным оказалось оправдаться перед детьми и бывшей женой. Боюсь, что желаемого результата я так и не достиг. Ну, да чего уж теперь. Дело сделано, и сегодня мы с Катей идём за документами. Во что всё это выразилось в денежном эквиваленте, не знаю и знать не желаю. Это Катина головная боль, от которой она к тому же и не страдает. Вон какая нарядная и счастливая – и впрямь невеста.

После ЗАГСа был праздничный обед в ресторане, где заранее был заказан столик на двоих. Ужин нам подали в номер для молодожёнов, который Катя сняла в одной из лучших гостиниц Москвы. Никогда не был снобом, но в этот вечер я чувствовал себя на одной ноге с аристократами. Когда пришло время отходить ко сну, Катя лукаво спросила:

– Что твой троян?

– Молчит.

– Ну, и ты помолчи.

А я что? Я промолчал...

Праздник никогда не бывает долгим, если он не совсем настоящий. Мне подарили ночь, я подарок принял, и, собственно, всё. Если завтрак ещё можно было считать продолжением банкета, то обед был уже сугубо деловым. Перед началом трапезы Катя передала мне конверт и пояснила:

– Здесь реквизиты счёта, открытого на твоё имя, и пластиковая карта. Сейчас на счету сто пятьдесят тысяч евро. Это часть твоей доли за участие в проекте. Если всё пройдёт удачно, эта сумма увеличится вдвое, если нет, то на значительно большую сумму.

– Ты меня пугаешь.

– Сама боюсь, – призналась Катя.

Я накрыл своей ладонью её ладошку.

– Ты уверена, что не хочешь посвятить меня в свои планы?

Катя благодарно улыбнулась.

– Уверена. Я и так уже втянула тебя в свою войну, дальше, надеюсь, не придётся.

Мне было жаль мою нечаянную жену, но себя было жаль чуточку больше, и я промолчал.

Катя высвободила ладошку и предложила:

– Давай приступим к еде, и уже по ходу я буду посвящать тебя в детали.

Так мы и поступили. Я больше ел, она больше говорила.

– Серёженьку я поместила в закрытый пансионат. Есть такой в Подмосковье, но ты про него вряд ли слышал, его особо не афишируют. Завтра мы туда съездим, и я познакомлю тебя с сыном. Руководству пансионата я тебя представляю, как своё доверенное лицо с самыми широкими полномочиями.

Катя протянула мне ещё один довольно пухлый конверт.

– Здесь все бумаги по пансионату, документы Серёжи – пусть они хранятся пока у тебя – и небольшая сума в валюте и рублях на непредвиденные расходы. У тебя есть машина?

Странно, что она не поинтересовалась этим раньше.

– Машины в настоящий момент нет, но есть права.

– Отлично. Купи себе машину, – у тебя ведь теперь есть деньги? – желательно сегодня.

Я кивнул в знак понимания:

– В пансионат мы поедем на моей машине.

Катя улыбнулась.

– Люблю понятливых мужчин.

Таксист доставил Катю к гостинице, а потом отвёз меня в автосалон. Раньше я о такой «тачке» даже не мечтал. По дороге домой я сделал ксерокопии переданных мне Катей документов, потом заехал в банк и арендовал ячейку.

– Дядя Страх...

Если я к чему-то подобному был готов, то мою фиктивную жену чуть не переключило.

– Господи, Серёженька, что ты говоришь? Не дядя Страх, а дядя Старх.

– погоди, – остановил я её. – Сергей, если для тебя непривычно произносить «дядя Старх», можешь называть меня «дядя Аристарх» или «Аристарх Игоревич». Тебе как удобнее?

– Я буду называть вас дядя Аристарх, – подумав, ответил мальчик.

– Будем считать, что это мы решили. Теперь говори: о чём ты хотел меня спросить?

– Я хотел спросить, дядя Аристарх, почему у вас наша фамилия. Вы наш родственник?

А парень вроде ничего: фигура спортивная, лицо симпатичное, да и умом, кажись, не обижен, вопрос задал по существу.

– Нет, дружок, мы не родственники. Это у вас в Рагвае фамилия Вяземский редкость, а в России помимо меня у тебя сыщется ещё немало однофамильцев. Ясно?

Серёжа кивнул.

– Вот и хорошо. Скажи, дружок, у тебя есть здесь любимое место?

– Да, возле озера, но одному мне туда нельзя.

– Но с нами-то, наверное, можно, как ты думаешь?

– Думаю, что можно, – поразмыслив, ответил мальчик.

Я от души рассмеялся такой рассудительности.

– Тогда вперёд?

Катя хотела взять сына за руку, но тот выдернул ладошку. Катя беспомощно посмотрела на меня, но я лишь укоризненно покачал головой. Взрослого мужика, за руку, при посторонних?

**

В Подмосковье есть немало прелестных уголков. Пансионат, в который Катя определила сына, располагался как раз в одном из таких мест. От шоссе к нему вела ухоженная асфальтированная дорога, при въезде на которую установили щит с надписью, рекомендующей не пользоваться дорогой без уважительной на то причины. Перед въездом в посёлок обустроили самый настоящий КПП со шлагбаумом и караульным помещением.

Посёлок обрамлял пансионат по периметру и служил дополнительной преградой от злонамеренных проникновений. Это нам объяснили чуть позже, уже на территории самого пансионата. Мудрость его строителей – а это было частное заведение – впечатлила ещё до попадания на территорию. Я имею в виду ограду, которая была выполнена в виде крепостной стены с башенками и воротами. Крепость выглядела скорее игрушечной, чем настоящей, наверное, для того, чтобы не походила на тюрьму.

Машину нам пришлось оставить перед воротами и топтать в крепость ножками. Комната для посетителей была уставлена творениями местных Самоделкиных и увешена картинами юных художников. Пока мы осматривали экспонаты, в комнате появился молодой человек, представившийся воспитателем Сергея. Он мягко пожурил нас за несвоевременный приезд. Теперь нам придётся подождать, пока у воспитанников не наступит свободное время. А пока

молодой человек готов с радостью ответить на все наши вопросы, касающиеся пансионата, и, будь на то наша воля, стать гидом в небольшой экскурсии по местным достопримечательностям. Мы любезно приняли оба предложения, но только после приёма у ректора.

Ректор производил правильное для такого заведения впечатление: этакий полупрофессор-полуминистр. Я был представлен как поверенный госпожи Вяземской в делах, касающихся пребывания в пансионате её сына, после чего скоренько покинул кабинет, оставив Катю и ректора наедине с их общими проблемами. Присев рядом с маявшимся в приёмной воспитателем, я учинил ему допрос касательно пребывания Сергея в пансионате.

Малый держался молодцом. О воспитателке отзывался исключительно положительно. И только когда я его уж очень сильно допёк, обмолвился, что проблемы есть у всех, но таких, которые бы не поддавались решению, у воспитателки Вяземской, к счастью, нет. Я снова открыл было рот, но тут же его затворил: из кабинета вышла Екатерина. Слегка увядший от общения со мной воспитатель вновь расцвёл и немедленно продекламировал Кате хвалебную оду её изумительному ребёнку. В отличие от меня, Катя осталась весьма довольна услышанным – спасибо, в ладоши не захлопала. Бросив на меня победный взгляд, воспитатель предложил перейти к экскурсии. И начал её с извинений. Хождение по территории родственников воспитанников во все дни, за исключением второй половины дня субботы, не приветствуется. Исключение делается лишь для зоны отдыха, куда мы с Серёжей в дальнейшем и проследуем. Но не стоит огорчаться. Не имея возможности походить по городку, мы можем осмотреть его сверху. Для этого на вышке, торчащей («торчащей» это моё слово) над административным корпусом, оборудована смотровая площадка.

О лестнице, похожей на ту, что ведёт на вершину маяка, я мечтал зря. Если таковая и была, то не для дорогих гостей – лифт доставил нас на площадку. Небольшенькая, но симпатичная стекляшка. Не так уж и высоко над землёй, зато панорамный обзор. А гид уже просит обратить внимание. Что там у него на первое? Жилая зона. Симпатичные двухэтажные коттеджи. А чуть подальше что – казарма? Для кадетов? Каких ещё кадетов? Вон оно что... После седьмого класса воспитанники продолжают обучение на выбор: кадетский корпус или один из двух колледжей с гуманитарным либо техническим уклоном. Учебная зона с прекрасно оборудованными классами и кабинетами. Ну-ну... поверим на слово. Куда это гид потащил Катю? Подводит к телескопу – на площадке и телескоп есть! Предлагает найти сына среди вышедших на перемену школьников. А ведь нашла, и радуется, как ребёнок. Спортгородок впечатляет. Крытые и закрытые площадки, корты и манежи. Говоришь, бассейны? Странно, если бы их не было. И каток крытый? Это уже роскошь. Что, и манеж? А лошади откуда? Конюшня в посёлке... понятно: ездить на лошадях можно, а навоз нюхать... Что? Утрирую? Ну, извините – увлёкся. В наказание небольшая лекция о правилах общения воспитанников и обслуживающего персонала. Контакт воспитанников с техническим персоналом и охраной минимизирован. Даже кухня вынесена за территорию. Общение только с преподавателями. А что – разумно. Породистых щенков полагается выращивать в особых условиях. Господи, Вяземский, откуда столько цинизма? Самому в детстве такое не выпало? И что – обзавидовался? Ну вот, пропустил часть рассказа. Там зона отдыха – понятно...

За разговорами и смотринами время пролетело незаметно, и мать, наконец, смогла обнять сына. Теперь мы спускались к озеру, которое на поверку оказалось вовсе не озером. Средних размеров пруд абсолютно не мешал окружающей природе.

Мы присели на скамью. Катя ворковала с сыном, а я с удовольствием дышал свежим воздухом, изредка принимая участие в разговоре. Потом было прощание, конечно, не без женских слёз и, подозреваю, не без детских тоже. Впрочем, слёз Серёжи я не видел, поэтому утверждать не берусь.

На следующий день я стоял на открытой террасе аэропорта, обращённой в сторону лёгкого поля, и смотрел, как лайнер отрывается от земли и уносит в неведомую даль мою нечаянную жену.

Известие о моём уходе на пенсию распространялось со скоростью телефонного разговора.

– Какая пенсия? – удивлялся мой шеф и вроде как даже друг Коля Прялкин. – Тебе лет-то сколько?

– Пенсию я, Николай Маркович, заслужил ещё в прошлом году в благодарность за непосильный и тяжкий труд.

– Это как, досрочно что ли? Так бы и говорил. Что-то я не припомню, чтобы ты про это рассказывал.

– А я не припомню, чтобы ты про это спрашивал.

Шеф поморщился.

– Тебя хрен переговоришь. Ладно. Почему сразу не вышел, чего год тянул?

– Не хотел, – совершенно искренне ответил я.

– А теперь чего, захотел? Ты же ещё молодой, на тебе пахать можно.

– В обед расскажу.

– Чего? – не понял начальник.

– В обеденный перерыв, говорю, расскажу, а вернее, покажу.

– Ладно, интриган, до обеда я потерплю, иди, работай.

Как только стрелки на часах достигли определённого положения, оба враз, я и мой заинтригованный начальник, покинули здание и прошли на служебную стоянку. При виде автомобиля, который откликнулся на мой призыв, Николай вначале открыл рот, потом закрыл и надолго. Лишь за обедом, которым я угостил его в дорогом ресторане, Коля немного разговаривался, но отвечал в основном односложно и невпопад. Уже выйдя из машины по возвращении на службу, шеф задал вполне осмысленный вопрос:

– Это всерьёз и надолго?

Я только кивнул.

– Тогда, конечно... – Николай повернулся ко мне спиной и, не оборачиваясь, направился к входу в здание.

В этот миг я испытал чувство глубокого удовлетворения. Мой час, хоть и с запозданием, но пришёл.

Я никогда не любил толкотни ни в житейском смысле, ни в плане карьеры. Наступать одной ногой на пятки впереди идущему, а второй лягать под коленку идущего сзади было не в моих правилах. В бытность молодым специалистом я наивно полагал, что карьера зависит исключительно от знаний и навыков. Тем более что поначалу так оно и было. Наивность с годами прошла, а принципы остались. Издавать сигнал «я свой» я так и не научился. Потому и проработал много лет в вечных замах. А началось всё с того, что под моим первым шефом зашаталось кресло. Сверху намекнули: подтолкни товарища и сядешь на его место. Куда там! Не только не подтолкнул, но даже поддержал. Коллектив мною гордился. А что проку? Начальника всё одно сняли, а на его место посадили не меня. Новый шеф, который обскакал меня по служебной лестнице, даже извинялся передо мной тет-а-тет, мол, если бы я поступил так же, как ты, то нашли бы ещё кого-нибудь.

Года три назад шеф пошёл на повышение, и на его место поставили Николая. Коля пришёл к нам с институтской скамьи и вырос на моих глазах в приличного специалиста.

Сразу после назначения он вызвал меня в кабинет. Разговор получился прямым, неприятным, и начался со слов Николая:

– Я прекрасно понимаю, что ты лучшая кандидатура на этот пост, чем я. Скажу честно: я отказывался, но мне прямо сказали, что тебе начальником не быть при любом раскладе. Ещё мне посоветовали от тебя избавиться. Я не хочу этого делать, потому что ты мне нужен как специалист и как друг. Ответь мне, но только честно: могу я на тебя рассчитывать? – После этих слов Николай посмотрел на меня в упор. Я не отвёл глаз и грустно усмехнувшись, произнёс:

– Начальники по-своему правы, да и поезд мой ушёл. Поэтому можешь на меня положиться.

Так началась наша странная дружба. Мы и далеко не разбегались и близко не сходились. И радовался я сегодня вовсе не тому, что как-то отомстил Николаю, но тому, что он признал: я его всё-таки обошёл.

**

Пока оформлялась пенсия, жизнь моя не спеша перетекала в новое русло. И начал я с того, что восстановил нормальные отношения с родными людьми. Список ненароком обиженных мною родственников возглавляла Ирина – моя бывшая жена и нынешняя любовница. Когда-то мы сошлись на почве внутренней неустроенности: отчаявшийся девственник и брошенная жена с ребёнком на руках. Это был брак по расчёту и взаимной симпатии. Я расстался с девственностью и обзавёлся семьёй. Ирина восстановила статус замужней женщины. Вместе мы прожили шестнадцать лет. Начали с того, что скоренько обзавелись дочерью, чем увеличили семью до четырёх человек. До поры до времени совместная жизнь катилась по относительно гладкой дороге. Потом асфальт кончился, начались ямы да ухабы. Закончилось всё в канаве, откуда выбирались уже порознь. Оглядывая с нынешней колокольни то недалёкое, в общем-то, прошлое, я думаю, что наш брак был, скорее, случаен, чем закономерен. Он был сшит обоюдной тревогой перед начавшейся тогда эпохой перемен. Пройти в одной связке лихие перестроечные и постперестроечные годы оказалось легче для обоих. Я мотался по командировкам, зарабатывал деньги. С женой виделся нечасто. Мы просто не успевали примелькаться друг другу, что зачастую лишь укрепляет семейные узы. Постепенно жизнь в стране вошла в новое русло. Я осел в конторе. Денег стало чуть меньше, зато я постоянно был дома. Ирина, наоборот, обрела крылья. В ней открылся коммерческий дар. Она быстро упорхнула за облака, откуда стала неодобрительно поглядывать на подпрыгивающего над землёй мужа-лузера. Узелок, которым мы когда-то связали общую верёвочку, развязался, а завязать новый мы так и не удосужились. Но вот что интересно: семейные узы оказались намного прочнее брачных. И приёмный сын, и родная дочь категорически отказались разрывать со мной отношения. Ирина, встретив такое мощное сопротивление, была вынуждена уступить, и семья осталась в целости, хотя и разбрелась по разным квартирам. А потом пришёл черёд воссоединиться и нам с Ириной, теперь уже на иной почве. Как сговорившись, мы так и не обзавелись новыми сексуальными партнёрами. Стоит ли удивляться, что вскоре, исключительно здоровья для, мы вновь оказались в одной постели, уже в качестве любовников. Теперь я нарушил негласное соглашение, что и заставило близких сурово насупить брови.

Каков должен быть первый шаг для восстановления отношений с близким человеком? Надо его уговорить тебя выслушать. Как уговорить выслушать тебя женщину, если она бизнес-вумен? Надо сделать ей предложение, от которого она не сможет отказаться. Предпринимателя средней руки Ирину Вяземскую – не стала менять фамилию, звучная фамилия! – я, не от своего, разумеется, имени, пригласил в ресторан обсудить за обедом очень выгодное для её бизнеса предложение...

Столик на двоих накрыт по высшему разряду. Я до поры затаился в сторонке. Вот она вошла в зал. Всё ещё чертовски привлекательна! Метрдотель ведёт её к столику. Садится. В некотором недоумении оглядывает стол. Замечает перед собой коробочку. Колеблется. Ну же, давай, открывай! Не устояла, заглянула одним глазком и замерла. Время! Подхожу и сажусь напротив. Быстро захлопывает коробочку и поднимает взор.

– Ты?!

Сейчас главное, чтобы не встала и не ушла. Быстро произношу:

– Я. И у меня действительно есть для тебя деловое предложение.

В этой фразе ключевое слово «деловое». На бизнесменов действует безотказно. Колеблется. Надо усилить.

– В конце концов, ты ничего не потеряешь, если меня выслушаешь.

Здесь ключевым является слово «терять». Бизнесмен не любит терять. Остаётся. Но всё ещё на взводе.

– Слушаю тебя.

Сказала, как курок взвела – сухо и по-деловому. Начинаю торопливо, но без суеты излагать историю моей фиктивной женитьбы, опуская наиболее интимные места. По мере исповеди настроение моей визави меняется в благоприятном для меня направлении. Всё, рассказ окончен. Уходить не собирается, но всё ещё сердится

– Мог бы известить заранее, до того как согласился.

Ну, всё понятно. Часто обижает не сам факт, а то, как нас перед ним ставят. Пробую оправдаться.

– И как ты себе это представляешь? Решать надо было там, на месте. И что я мог сделать, сообщить тебе всю эту байду по телефону?

– Ну, хотя бы.

Прекрасно понимает, что говорит ерунду, но надо ведь последнее слово оставить за собой. Разумнее ей в этом уступить. Оценила, улыбнулась и расслабилась. Стучит ногтем по коробочке.

– Это что?

– Мой подарок, в знак уважения и любви.

Вижу, что довольна, но кусает больно.

– Дорогой подарок. Впрочем, твои услуги тоже щедро оплачены.

Неприятно, но терпимо.

Вечером, когда её голова уютно расположилась на моём плече, произношу, как бы вслух размышляю:

– Надо будет ещё с Антоном и Настей поговорить...

– О чём? – лениво интересуется Ирина.

– Ну, как о чём? Они ведь тоже на меня обижены.

– Ой, я тебя умоляю. Впрочем... Ты когда навещаешь Серёжу?

– В эту субботу.

– Забери его с собой – их ведь на выходные, наверное, отпускают? – и вези к нам на обед. Я приглашу Настю и Антона. Там с ними и помиришься, и познакомишь с новым родственником.

Хоть и колючая, но родная. Как хорошо, что она у меня есть.

– На обед не получится. До обеда он ещё учится.

– Вези на ужин. Он ведь всё равно у тебя на воскресенье останется?

– Скорее всего. По крайней мере, я планирую именно так.

– Вот и славно. Вот и договорились.

Через пять минут Ирина уже всюю сопит, а я ещё долго пялюсь в темноту.

**

Веду машину и слушаю сидящего рядом Серёжу. Парень в отличном настроении и оживлённо делится впечатлениями от недавно закончившегося званого ужина. Я поддакиваю ему, как могу, и тихо радуюсь нашей общей удаче.

В какую сторону распрямится зажатая пружина, предсказать не трудно. А как поведёт себя зажатый человек после того, как раскрепостится? Это вопрос...

Когда мы с Серёжей приехали в гости к Ирине, там находились уже и Настя, и Антон. Вначале мы все были слегка зажаты новизной ситуации, но раскрепостились быстро, и, слава богу, в одном направлении. Ужин, подразумевающий не столько поглощение пищи, сколько непринуждённую беседу был оценён мной на пять баллов. Серёжа обрёл в лице Антона, Насти и Ирины новых друзей, а я успел переговорить с детьми. По ходу мне не пришлось даже оправдываться. Как я понимаю, за меня это сделала Ирина. К началу встречи Настя и Антон были настроены на самую позитивную волну. Это означало, что в ресторане мне удалось одним выстрелом перестрелять всех зайцев. Ну, какой я, право, молодец!

Во время разговора Антон сказал одну фразу, которая мне потом часто вспоминалась. Он сказал: «Старх... – он никогда не называл меня отцом, а, повзрослев, стал называть именно так – Старх, хочу тебя поздравить: тебе удалось угадать пять номеров из шести». Я сразу понял, что он имеет в виду и весело переспросил: «Почему пять, а не шесть из шести?». И тогда мой приёмный сын с лёгкой грустинкой в голосе пояснил: «За шестым номером, боюсь, придётся ещё побегать».

Не думаю, что он тогда понимал, насколько точно предсказал моё ближайшее будущее...

Слух о том, что Вяземский, оказывается, не так-то прост, как о нём полагалось думать, дошёл-таки до ушей высокого начальства. Иначе чем объяснить пышные проводы на пенсию, коими я был удостоен? Если бы каждая хвалебная речь, произнесённая сегодня в мой адрес, не заканчивалась здравицей, вполне резонно было подумать, что я умер. Вершиной моего запоздалого триумфа стало сообщение о присвоении мне звания Засраба (Заслуженного работника) той отрасли, где я столько лет безуспешно таранил лбом стену. Господи, откуда во мне столько желчи? Или шальные деньги способствуют её усиленному выделению? Надо срочно тормозить, пока не захлебнулся. И чего я, в самом деле? Ну, не двигали меня по служебной лестнице, зато как специалиста всегда ценили и не уставали это подчёркивать. Да и представление на «Заслуженного» наверняка оформили задолго до моего нечаянного обогащения. А то, что Указ подоспел как раз к проводинам, так это уж точно счастливая случайность – и такое, представьте, бывает! Мог, кстати, и припоздать. Так что кончай, Старх, смотреть на мир глазами старого циника, расслабься и принимай заслуженные поздравления без сомнения в их искренности.

Банкетный зал оказался достаточно прямоугольным, чтобы вместить весь зоопарк. Нет, я нисколько не ёрничаю, называя этим словом родной, безо всяких кавычек, коллектив. Скорее, добродушно подшучиваю. Не с моей лёгкой руки это слово прозвучало впервые, прижилось, и уже много лет произносилось от случая к случаю не всегда шёпотом, но по разным поводам. Не мне, стало быть, выводить его из обихода, тем более что произнёс я его – заметьте, про себя! – очевидно, в последний раз.

Никакого фуршета. Нормальное русское застолье. Столы заставлены разномастными бутылками и столь же разномастными закусками. И никаких суши-пуши – всё привычное, понятное, знакомое. Хотя, вру. Попадают и затейливые штучки. Я съел парочку – ничего,

вкусно. Есть ли на столе лобстеры? Знать бы, на что они похожи, чтобы проверить, но надеюсь, что нет. А вот бутерброды с красной икрой есть, точно. Да не отдёргивай ты руку. Ну и что, что последний? Ещё принесут. Что хотите про меня думайте, но я был рад тому, что удалось уйти красиво и не вбухать в эту красоту все сбережения, а то и банковскую ссуду.

Эх, Катя, Катя, жёнушка моя нечаянная. Не знаю, во что ты меня втравила, но сейчас я тебе искренне благодарен. Будь здорова! Почему вдруг кольнуло сердце, откуда налетела тревога? Но уж точно не из Рагвая. С Катей я разговаривал буквально вчера. Она была бодрa, хотя и не весела – так она всегда такая. По обыкновению больше спрашивала, чем рассказывала о своём. В основном, конечно, о Серёже – но это и понятно. Что же не так? Или всё-таки Катя? Обещала сегодня позвонить, может, я в замоте не услышал? Пропущенных звонков нет. Мало ли какая может быть причина. А кошки скребутся. Брысь! Тем более вот он, звонок.

– Я говорю с Аристархом Игоревичем Вяземским?

Голос женский, но это не Катя... Кошки совсем распоясались.

– Да, это я.

– Здравствуйте, Старх, это Светлана Фернандес подруга Кати... Старх, Катя погибла.

Весь хмель разом вон из головы. Взамен лёд прозрачный и звенящий. Говорить не могу, челюсти светло. Видимо, на том конце разговора это поняли.

– Её убили... Старх, вы нужны здесь, срочно нужны!

Говорю и сам удивляюсь спокойствию своего голоса:

– Я вас понял, Светлана, вылечу, как только смогу. Только скажите, куда?

– Идите в рагвайское посольство. Там спросите господина Рамоса. Он объяснит вам маршрут и поможет с визой. Когда оформите вылет, сообщите Рамосу координаты рейса. На месте вас встретят. И умоляю, поторопитесь!

– Хорошо, Светлана, я понял. До скорой встречи.

Цвета потускнели. Звуки обтекают голову. Знакомые, увы, ощущения. Так бывает всякий раз, когда узнаю об очередной потере. Сознание пытается отгородиться от мира, остаться наедине с горем. Трясу головой. Сейчас не время. Эти люди вокруг – они здесь ради меня. Они ни в чём не виноваты. Они хотят уйти домой довольными и весёлыми, и они таковыми уйдут, чего бы мне это ни стоило. Тем более, уже почти ночь. Мудрить начну с утра, а пока, как сумею, подыграю гостям...

«Так вы, Аристарх Вяземский, никогда не купались ночью? И не хотите составить мне компанию? Жаль...». Катя идёт к воде, как есть в сарафане. Я хочу пойти за ней, но ноги словно приросли к месту. Хочу её окликнуть, но издаю лишь какой-то невнятный писк. А она уже в воде, и уходит всё дальше и дальше, пока очередная волна не накрывает её с головой. Тихо и темно. Не сразу соображаю, что это я только что проснулся среди ночи в своей московской квартире. Спустя мгновение, чужая смерть лишь свистом косы, но очень больно, полосует по сердцу. Прости меня, Катя, за то, что не пошёл с тобой на войну, за то, что остался дома присматривать за дитём. А ты полезла в драку и тебя убили. Думала ли ты о том, что я могу и не откликнуться на призыв, который от твоего имени передала мне Светлана? Надеюсь, что нет. Не знаю, как, но ты угадала главное – я своих слов назад не беру. Я полечу на край света, чтобы узнать, как смогу исполнить твою волю – будь покойна!

**

В иллюминатор лучше не смотреть: вверху небо без облаков, внизу океан без краёв. До этого была пересадка в Лондоне, с московского рейса на рейс в Сан-Паулу. Это где-то в Бразилии – нет? Без разницы. Там всего лишь очередная пересадка на самолёт до столицы Рагвая. О Кате стараюсь не думать. Господи, да кому я вру?! Только о ней и думаю, с той самой

минуты, как услышал в трубке голос Светланы. Другое дело, загнал эмоции в дальнюю клетку и запер там до времени. Оставил только ноющую боль в груди, она мне всё одно неподчинна: пришла без спросу и уйдёт, когда пожелает. Коли не сам, то и не поверил бы: с делами поперёд отъезда справился за один день. Весьма помог Рамос с оформлением визы и путевыми советами. Хотя, было видно, что делает он это исключительно долга ради, без охоты, да мне-то в том какая печаль? Главное, что ещё до вечера я отзвонился Рамосу касательно полёта, заказал такси в аэропорт к ночному рейсу на Лондон, после чего позвонил Ирине.

– Привет, солнышко!

– Привет, Старх! У тебя что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Голос у тебя какой-то не такой.

Разве? Хотя она, конечно, права: с чего ему быть таким?

– Ира, я сегодня ночью улетаю в Рагвай.

Молчит. Переваривает услышанное.

– Катя погибла.

Мой голос предательски дрогнул, а та сторона откликнулась криком умирающей чайки:

– Как?!

Не уверен, что ещё в каком-нибудь языке есть столь многогранный отклик на ошеломляющее известие. Это и «как же так?», и «как это случилось?», и «горе-то какое!», и много ещё чего. Я из всего предложенного многообразия выбрал одно.

– Не знаю. Потому и лечу, чтобы во всём разобраться.

В возникшей паузе легко читался незаданный вопрос. Отвечу как есть:

– Конечно, помчался бы!

– Ты о чём?

– Ты ведь думаешь, помчался бы я на край света, случись что с тобой – нет?

– Нет... То есть да... Старх, не надо угадывать мысли.

Значит, всё-таки угадал, хотя в данном случае это было совсем не трудно.

– Хорошо, не буду. А попросить тебя присмотреть за Сергеем можно?

– Конечно, о чём ты говоришь!

Искренность в её голосе – бальзам моей душе. Всё сделает, как надо. Теперь за Сергея можно не волноваться. Без внимания его не оставят.

– Ребятам о случившемся сообщи сама, и насчёт Сергея тоже. Моя просьба и их касается.

– Всё сделаю, не беспокойся.

– Уже перестал. Из пансионата Сергея с вами, конечно, не отпустят, но на территории пообщаться дадут. И не говорите никому о смерти Кати, ни Сергею, ни руководству пансионата. Насчёт денег...

– Забудь! Мы с ребятами, слава богу, не бедные.

Вот и всё. Можно собирать чемоданы.

– Спасибо, солнышко, до встречи, целую!

– И я тебя. Береги себя, Старх.

Глава третья

Почти сутки в воздухе. Никогда не считал себя слабаком, а тут, поди ж ты, подустал изрядно. Нет худа без добра – я не про Катю, про усталость – посмотрю, как она выглядит, обратная сторона Земли. По аэропортам шиш что определишь: та же хрень, что и по нашу сторону экватора. Хочется на улицу. Покидаю зону контроля и устремляюсь к толпе встречающих. Насчёт толпы я, пожалуй, загнул. Стоят несколько господ и чинно ожидают своей порции прилетевших. Среди них одна одиноко стоящая дама. Не знаю, почему, но стрелка внутреннего компаса сразу указала на неё. Не спеша приближаюсь, краем глаза отслеживая обстановку: вдруг не она, вдруг кто другой? Под лёгким деловым костюмом изящество фигуры не скроешь, и под тёмными очками в пол-лица красоты не спрячешь. Делает шаг навстречу, руку протягивает по-мужски.

– Здравствуйте, Старх!

Осторожно пожимаю протянутую длань и так, на всякий случай, отмечаю: ладошка-то крепкая.

– Здравствуйте, Светлана!

– Это все ваши вещи? – кивает на пристроившийся за мной чемодан на колёсиках.

– Все.

– Тогда пошли. – Поворачивается и направляется, надо полагать, в сторону выхода. Я и чемодан следуем за ней.

В такой последовательности мы вскоре дотопали до авто. Хорошая тачка. Представительский седан в комплекте с шофёром. Располагаемся с комфортом: я и Светлана на заднем сидении, чемодан в багажнике.

– Сейчас в гостиницу, я сняла для вас номер. Завтра утром выезжаем в Рансьон.

– Как скажете.

Возможно, ответ излишне лаконичен, но что я могу к нему добавить? Хотел спросить, что есть Рансьон, но вовремя вспомнил, что в этом городе жила Катя. Жила... Приутихшая боль вновь сдавила грудь. Говорить о пустяках не хочется. Говорить о важном моя спутница считает несвоевременным, иначе почему она тоже молчит? От нечего делать смотрю в окно. Город как город... хотя появившись я в нём при других обстоятельствах, может, считал бы иначе. И номер в гостинице как номер. И не угодишь на меня никак. Так никто вроде и не пытается, да и я здесь не за тем. Время позднее... может сходить поужинать? Стук в дверь. Открываю. Это ужин сам ко мне пришёл. Официант вкатывает столик на колёсиках, следом в номер входит Светлана. Стою в сторонке – чего путаться под ногами? Столик к дивану, халдею чаевые, судя по его довольному лицу, щедрые, мне улыбка.

– Вы не возражаете? – кивает на столик.

А если возражу, то что, укажишь? Но говорю, конечно, иное:

– Не возражаю. Спасибо за заботу и... сколько я вам должен за ужин и гостиницу?

Опускается в кресло, небрежным жестом отмахивается от вопроса.

– Не сейчас. У нас ещё столько общих дел впереди. Покончим со всеми, тогда и посчитаемся.

А вот это уже интересно. Какие такие у нас общие дела? В мысли врывается слегка насмешливый голосок:

– Так и будете стоять? Присаживайтесь, в ногах правды нет.

Спохватываюсь и прикасаюсь к дивану тем местом, где, по мнению гостыи, правды предостаточно. Беру со столика бутылку, разливаю по бокалам вино, предлагаю:

– Пьём не чокаясь.

Разливаю по второй.

– А теперь можно и за знакомство.

Не знаю, как еда на вкус, но пахнет аппетитно. Хмм... Да и на вкус ничего. В отличие от меня, Светлана клюёт, как птичка, и как она же щебечет. Слушаю внимательно. Отбрасываю лишнее и уже известное, остальное впитываю как губка. Кончили синхронно, я – есть и слушать, она – говорить. Промокаю салфеткой губы.

– Спасибо за ужин. Всё было очень вкусно.

Смотрю на гостью. Кивает головой в ответ на благодарность, но явно ждёт ещё чего-то. Не сегодня.

– Извините, Светлана, но сейчас я к разговору не готов. Мне надо обдумать услышанное. Понимающе кивает, встаёт.

– Спокойной ночи, Старх.

– Спокойной ночи, Светлана.

С чего бы ему быть – покою-то? Кто это сказал: «Покой нам только снится!»? Тютчев – нет? Нет, это сказал Блок. Насколько это действует в отношении меня, узнаю, когда засну. А пока воссоединю то, что узнал от Светланы, с тем, что знал до этого. Выходит, конечно, хреново, но не до такой степени, чтобы убивать. Эрго: либо Светлана что-то от меня скрыла, либо сама не всё знает. А не попробовать ли мне заснуть? Смотри-ка ты, получилось...

Никакой покой мне, конечно, не приснился, но, всё равно, с утра чувствовал я себя значительно лучше, чем прошедшим днём. Когда мы вновь расположились на заднем сидении, Светлана, одним движением изящного пальчика, создала между нами и водилой преграду в виде стеклянной перегородки. Ну и правильно: парню надо за дорогой следить, а не чужие разговоры слушать. Ну-с, пожалуй, начнём!

– Светлана, вы, давеча, говорили, что Рансьон отсюда километрах в трёхстах. Полагаю, этот монстр нас часа за четыре домчит – нет?

– Нет, часов за пять с небольшим.

– Что так?

– Тут не везде асфальт. Нам треть пути по грунтовке пылить.

«Чудеса, да и только! Стоило лететь на край света, чтобы наступить на те же грабли», – это я про вторую российскую беду. Мысль показалась мне настолько удачной, что я не преминул поделиться ей со Светланой. Моя спутница грустно усмехнулась:

– Дороги здесь пусть и не везде асфальтированные, зато достаточно ровные. На них хоть и не разгонишься, но и колдобины пересчитывать не приходится. – Видимо, заметив на моём челе тень разочарования, Светлана поспешила меня успокоить: – Зато тут первой беды с избытком.

– Дураков что ли? – догадался я.

– Их, родимых...

Сказано это было с такой глубокой интонацией, что у меня невольно вырвалось:

– Эх они вас достали!

– Да меня тут всё достало! – всплеск энергии едва не отбросил меня к дверке салона. – Никак не могу избавиться от ощущения, что хожу вниз головой. Постоянно юбку придерживать хочется. Вы знаете, Старх, а у нас тут сейчас весна! В сентябре – весна. Господи, зачем мне в сентябре весна? Мне листики опавшие поворошить хочется, тонкими льдинками с утра похрустеть. Старх, голубчик, как я соскучилась по снегу!

Наш человек! Даром что метиска, а разошлась во всю ширь русской души. Осторожно вставляю:

– А тут что, зимы совсем нет?

– В нашем понимании нет. Что-то вроде ранней осени, плавно переходящей в позднюю весну.

Мы уже за городом. Слева показалась и ушла в сторону довольно широкая река. Серая нитка шоссе вытягивается вдоль равнины, изредка огибая поросшие лесом холмы. И деревья на холмах, и сами холмы, и кусты по обе стороны дороги – всё не наше, непривычное взгляду. Моя спутница всё ещё изливает душу, а вот это как раз по-нашему.

– ... Мужнина родня, аристократы хреновы, меня в упор видеть не желают. Пока был жив Фил, мне на это было наплевать. Да мне и сейчас наплевать, но без близкого человека рядом всё одно погано. Одна была радость – Катюшка, да и ту вчера схоронила...

Светлана замолкла, горестно поджав губы, но за платком не полезла, видимо, плакать не собиралась. Характер у девочки твёрдый. Впрочем, учитывая её чекистское прошлое, это и не удивительно.

– Света, хочу спросить о похоронах: почему всё сделали так поспешно?

Светлана пожалала плечами.

– Так причин затягивать не было. Люська с живой-то Катей последнее время еле-еле под одной крышей уживалась, а с мёртвой и подавно. А о вашем приезде, кроме меня, никто не знает. Да я вам вчера рассказывала...

Действительно рассказывала. Мой приезд был целиком на совести Светланы. Она одна знала о замужестве Кати, и она же исполнила её, заготовленную на такой случай, волю. Светин муж – царствие ему небесное! – долгое время занимал ответственный пост в правительстве Рагвая. Женившись на Светлане, он был вынужден подать в отставку, но нужные связи сохранились. Ими и воспользовалась Светлана для того, чтобы как можно быстрее доставить меня в Рагвай. Без особой охоты, но ей помогли. Мой приезд для здешней Катинной родни точно будет неприятным сюрпризом, на что мне было чихать с самой высокой берёзы – или что у них вместо неё растёт? Те же мысли, видимо, бродили и в голове Светланы, которая, в отличие от меня, их озвучила с нескрываемым злорадством в голосе:

– Сегодняшнее зачтение завещания кому-то очень сильно икнётся. Ну, да я вам говорила...

– Нет, об этом вы мне не говорили, – забеспокоился я. – А мы успеем?

– Да ну? – удивилась Светлана. – Нет, не может быть... а впрочем, неважно. Успеем, конечно, успеем. И доехать успеем, и привести себя в порядок успеем, и даже пообедать успеем. А на «ты» так и вовсе перейдём прямо сейчас. Ты не против?

– На «ты» так на «ты», – согласился я. – И вот что я хочу у тебя спросить: кто есть жених Люсии?

– Ты совсем ничего не помнишь? – удивилась Светлана.

– Если ты о нашей вчерашней беседе, то я помню всё. И то, что Люсия прямо в День рождения была помолвлена, и то, что свадьбу назначили на 9 октября, за день до вскрытия ларца. Но кто он, этот жених?

– Я ведь тебе говорила и про жениха, и про завещание, – продолжает упрямитесь Светлана.

– Почему я тогда ничего этого не помню? А если даже и так? Повторить, надеюсь, язык не отвалится?

Ну вот, нагрубил девушке. Впрочем, должок она вернула быстро:

– Представь себе – нет. Повторяю для тех, кто находился в танке...

Язва.

– ... Женихом Люськи является некто Серж Одоецкий, мальчик из хорошей русской семьи. Его предки эмигрировали в Рагвай в одно время с Вяземскими.

– Они его по имени подбирали? – любопытствовал я.

– Как? – переспросила Светлана. – Ах ты, чёрт. А мы с Катькой не придали этому значения. А что... очень может быть. Правда, он Николаевич, а не Сергеевич.

– Так видно Сергеевичей не сыскалось, – поделился я мыслью.

– Вполне вероятно, – Катя посмотрела на меня. – Ты считаешь, что это важно?

– Не думаю. Скорее, нет. Скорее, это просто совпадение.

– Так чего ж ты? – Светлана была само негодование.

– А я чё, я ничё, я так, для разговору.

Света обиженно фыркнула и отвернулась. Я воспользовался моментом и тут же задремал.

Проснулся я сразу после съезда на грунтовку. Дорога действительно была хорошо укатана, но всё одно не асфальт, и машину таки слегка потряхивало. Скорость заметно упала – скорее, чтобы не сильно пылить. Светлана сидела уже совершенно не обиженная, но задумчивая. Думаю, не будет большого греха в том, что я тоже немного поразмышляю. Смерть моей нечаянной жены трудно назвать обычной. Катя ночью упала с лестницы и свернула шею. Это мог быть как классический несчастный случай, так и столь же классическое убийство. Полицейское расследование остановилось на первом варианте, Светлана настаивала на втором. О несчастном случае размышлять было нечего – горько конечно, но «с'est la vie». Версия убийства – а я согласен со Светланой – натывается минимум на два взаимосвязанных вопроса: «зачем?» и «кто?».

Вчера вечером Света выложила мне такие подробности из Катиной жизни, которые значительно расширили круг подозреваемых. Оказывается, Катя и Света были компаньонками. Дело им досталось по наследству от мужей. Когда-то давно местный аристократ и бизнесмен Хосе Гонсалес Кардосо предложил своему другу, чиновнику высокого ранга Филиппе Родригесу Фернандесу, совместное вложение капитала. Идея предприятия принадлежала ещё одному их общему другу, Сергею Сергеевичу Вяземскому, которому эмигрантское происхождение не позволяло самостоятельно поднять проект. Приятели быстро пришли к соглашению. Чистую прибыль было решено делить поровну. Хосе и Сергей занялись воплощением идеи в жизнь, а Филиппе лоббировал интересы компаньонов в эшелонах власти. Дело оказалось выгодным и стало приносить друзьям солидный доход. Несколько лет назад на доходное предприятие положил глаз местный мафиози по прозвищу Удав. Дело дошло до вооружённой стычки, в которой Сергей убил родного брата Удава. Вскоре Сергей погиб в автомобильной катастрофе. Филиппе приложил максимум усилий для того, чтобы упечь Удава за решётку. Не за убийство Сергея. Причастность Удава к его смерти доказать так и не удалось. Но и других грехов набралось на солидный срок. Полтора года назад Удав умер в тюрьме. А вскоре, в автокатастрофе, как две капли воды похожей на ту, в которой погиб муж Кати, погибает Филиппе. Виновником смерти Светинового мужа многие считают подросткового сына Удава, но, как и в первом случае, доказать ничего не удаётся. Сейчас Хосе в одиночку управляет предприятием, отстёгивая положенную долю вдовам погибших друзей. На какую войну поехала Катя, оставив на моё попечение сына, так и остаётся загадкой. И если её убили, то это мог сделать и кто-то из её здешней родни, и кто-то из банды сына Удава, и, наконец, кто-то третий, мотивов которого я не знаю. Мои неутешительные размышления прервал Светин голос:

– А вот и наш Рансьон!

Действительно, машина катила по улице, застроенной преимущественно частными домами. Вскоре мы остановились возле солидного трёхэтажного особняка.

– Приехали, – сказала Светлана, – добро пожаловать в мою избушку на курьих ножках!

Я вылез из машины и ухмыльнулся. Этот дом столько же был похож на дом Бабы Яги, сколько доставивший нас лимузин на помело. А Светка-то у нас кокетка...

**

В помещении, где должно состояться оглашение завещания, я появился один и загодя. Пристроился на стуле в уголке и стал наблюдать за прибывающими, пытаюсь на основе Катиных и Светиных рассказов определить, кто есть кто. Вот этот высокий молодежавый брюнет, наверное, господин Кардосо. А вот и Светлана. Раскланивается с компаньоном мужа, на меня и не глядит. Так и было задумано. Вяземские вошли в комнату втроём: опрятный и седовласый Михаил Сергеевич – дядя покойного мужа Кати, чопорная и столь же седая Антонина Петровна – жена Михаила Сергеевича, их старший сын Николай Михайлович. Подошли ещё несколько человек, о которых я ничего не знал. Последней в комнате появилась Люсия под руку с молодым человеком. Так вот ты какой, Серж Одоецкий.

Ровно в назначенный час в комнате появился нотариус. Завещание было предельно кратким: «Всё своё имущество завещаю моему мужу, Вяземскому Аристарху Игоревичу». Взоры присутствующих немедленно обратились ко мне. Я поднялся с места и одним кивком головы раскланялся со всеми присутствующими разом, подтверждая, таким образом, правильность их догадки. Если я и ожидал каких-то негодующих возгласов, то напрасно. Народ в комнате подобрался на редкость воспитанный. Все встали со своих мест и направились к двери. Были, правда, ещё и взгляды, но ими-то дырку во мне не провертишь. Вскоре в комнате остались лишь я да нотариус. Пришла пора улаживать формальности.

На улице я появился уже в статусе полноправного наследника. Ко мне тут же подошёл господин Кардосо в сопровождении Светланы, которая нас друг другу и представила. Закрепив знакомство рукопожатием, мы, по предложению Хосе, направились в ресторан, где был заказан столик. За обедом о делах не говорили, негласно согласившись на обычную светскую беседу. Разговаривали по-английски, отдельные фразы вставляли на русском и испанском языках. И все бы ничего, да только я всё время чувствовал на себе чей-то изучающий взгляд, а может даже и не один.

Распростившись с Кардосо, мы со Светой заехали в банк, где Катя абонировала ячейку. Почти не глядя, я сложил содержимое ячейки в кейс, и лишь оказавшись в отведённой мне комнате в доме Светланы, решил рассмотреть подробно. Две объёмные пачки денег. Одна в североамериканских рублях, другая, надо полагать, в местной валюте. Шкатулка с драгоценностями. Никогда ничего не понимал в этих бабских штучках. Настоящие ли они? Хотя кто будет хранить в банке бижутерию? Ладно, деньги и шкатулку в сторону. Теперь папка с бумагами. Раскрываю. Сверху лежит конверт надписанный по-русски: «Старху». Достаяю лист бумаги, читаю:

«Милый, милый Старх!.. – Чёрт, комок подкатил к горлу, перед глазами пелена. Беру себя в руки и продолжаю читать: – ... Ты представить себе не можешь, как я хочу, чтобы ты никогда не прочёл этих строк, а чтобы я сама всё тебе рассказала. Старх, сейчас мне по-настоящему страшно. Сегодня я сделала свой ход и тем самым либо вытащила счастливый билет, либо подписала себе смертный приговор. Обидно, но я даже не знаю, кто может стать моим палачом. Нет, не так. Имя исполнителя меня не интересует, а вот имя заказчика мне хотелось бы знать. Кузен Николая? Сынок Удава? Оба вместе? Нет, не знаю. Но если ты читаешь это письмо, значит, мне не поверили, посчитали, что я блефую и на всякий случай убили. Поэтому ты здесь. Прости меня за это, я правда не хотела. Старх, я не прошу тебя мстить. Более того: я прошу тебя этого не делать. Если и с тобой что случится, то Серёженька останется на этом свете совсем один. Прими наследство. Я всё отписала тебе. Знаю, что ты Серёжу не обидишь. Хотя он и так уже обеспечен. Я об этом позаботилась. Поэтому половина того, что осталось – твоя, и не вздумай отказываться. С наследством Вяземских поступи по своему разумению. С меня довольно того, что именно ты вскрыешь ларец. Серёжино обеспечение находится в конверте с надписью „Серёже“. Конверт не запечатан. Ты вправе знать, что там находится. Просмотри

его содержимое и запечатай сам. Отдашь его Серёже в день, когда ему исполнится восемнадцать лет. Остальные бумаги поступают в твоё владение. Советую всю недвижимость и акции предприятия, совладелицей которого я являюсь, ... извини, ... ты являешься, продать Хосе Кардосо. Он нормальный мужик, заплатит по-честному. Посоветуй Светке сделать то же самое. Думаю, что её и уговаривать-то не придётся. И бегите из этой страны домой в Россию. О делах вроде всё. Теперь о том, почему мой выбор пал именно на тебя. Ты правильно догадался: это не было случайностью. Тебя мне наворожили или нагадали – не знаю, как правильно. Короче, когда встал вопрос о выборе фиктивного, извини за это слово, мужа, то я решила обратиться к одной здешней ведьме. В переводе на русский язык, её пророчество звучит следующим образом: „Твой – то есть мой – суженый живёт в краю предков. Встретишь его на берегу южного моря в городе, находящимся под знаком колец, в месте, охраняемом самым крупным зверем северного неба. Ты узнаешь его по голосу, и будет он одного рода с твоим покойным мужем“. Мы со Светкой поняли это пророчество так: край предков – Россия, южное море – Чёрное, Город под знаком колец – Сочи. Со зверем пришлось повозиться. То, что это медведица мы поняли быстро, а вот какое отношение она имеет к городу – только тогда, когда просмотрели список всех отелей и курортов. Ты уже догадался? Глупый вопрос: как ты мог забыть название санатория, где мы с тобой встретились. Когда я услышала твой голос в караоке-шоу, то почему-то необычайно разволновалась. А когда назвали твою фамилию, то всё встало на свои места. Вяземский вполне мог быть дальним родственником Сергея. И хотя ты этого не подтвердил, но так ли ты в этом уверен? Вот и всё. Остальное узнаешь от Светланы. Прощай. Уже, видимо, бывшая, твоя жена Катя».

В предоставленной мне комнате есть сейф. Складываю туда содержимое кейса, запираю сейф и иду на балкон. Гляжу в ночное небо, усыпанное небесными светлячками, и впервые реально ощущаю себя на обратной стороне Земли. Звёзды не складываются ни в одно знакомое созвездие. Что я помню о небе Южного полушария? Южный Крест – вот, пожалуй, и всё.

Пробую его отыскать. Вожу по небу глазами туда-сюда, аж притомился, а толку чуть. Вон три довольно яркие звезды и две потусклее образуют вроде как крест. Вроде оно, а вроде и нет. И спросить некого, один я на балконе. Ладно, будет мне ещё гид, а лучше гидша, по местному ночному небу. А и не будет – не помру.

С этими мыслями я вернулся в комнату, чтобы найти до утра упокоение меж лёгким одеялом и свежей накрахмаленной простыней.

Проснулся рано, и ещё до завтрака успел ознакомиться с остальными бумагами. Первым было содержимое конверта с надписью «Серёже». Пароли, явки, счета... Солидный куш, если учитывать, что пребывание Серёжи в пансионате оплачивается исключительно из набегающих процентов. Всем этим заправляет солидная европейская адвокатская контора. Её гонорар оплачивается из тех же процентов. Возвращаю бумаги на место, отодвигаю конверт в сторону. Следующий конверт – молодец, всё по полочкам разложила! – хранит бумаги, подтверждающие мои права на ведение дел Сергея до его совершеннолетия. Там же реквизиты счёта, открытого на моё имя, на сто пятьдесят тысяч евро. Это, надо думать, вторая часть марлезонского балета. Первая была в Москве после нашей с Катей брачной ночи. Все оставшиеся бумаги касаются имущества в пределах Рагвая. Дарственная на моё имя на половину дома... Дарственная на автомобиль... А вот и акции совместного предприятия. Ого! Не хило. Даже если выручить за них половину истинной стоимости, то Сергей становится вдвое богаче, а я, стало быть, поднимаюсь до его теперешнего уровня. Запечатываю первый и второй конверты. Сегодня же отправлю их международной почтой в Москву Ирине. Пусть хранит бандероль до моего возвращения. Отлично, к завтраку поспел.

Света уже в столовой. Приветствуем друг друга улыбками и приступаем к трапезе. Вкусно. Сытно. Полезно. Желудок приступает к усвоению полученного материала, а нам можно расслабиться и поболтать. Увы! – поболтать не получается. Разговор сугубо о делах.

... – Сейчас едем осматривать дом, Люську я уже предупредила. – Светлана вопросительно смотрит на меня. – Или у тебя появились возражения?

– Возражений нет, есть поправка. Сначала заедем на почту, надо отправить бандероль в Москву. У вас это как?

– Без проблем. Старх... – её интонация заставляет насторожиться, – что ты намерен делать дальше?

От неё мне скрывать нечего, поэтому говорю без обиняков:

– Через три дня вскрываю ларец. Дальше по обстоятельствам. Скорее всего, буду действовать по заранее намеченному плану.

Вытаскиваю из внутреннего кармана пиджака письмо Кати и протягиваю ей. Глазки блещут, губки кривятся, но читает внимательно. Возвращает письмо, глубоко вздыхает, промокает платочком глаза.

– Ах, Катюха, Катюха... – Смотрит на меня в упор. – Ты сказал, что намерен действовать по предложенному Катей плану. В письме говорится и обо мне. Означает ли это, что ты намерен предложить мне уехать с тобой?

Витиевато сказано. А я витийствовать не намерен. Скажу просто:

– Считаю, что уже предложил. Ты согласна?

– Да, да, да, тысячу раз да!

Однако крепко её подпёрло. Столько эмоций.

– Хватило бы и одного «да». Но в любом случае тебе надо готовиться.

– А я уже давно готовлюсь. Всё, что могла перевести за границу, уже в европейских банках. С остальным поступлю так же, как и ты с Катиним имуществом. Кстати, ты в Москву документы отправляешь?

Чего уж там: сказал «а» – говори «б».

– Да.

– Старх, а нельзя ли вместе с твоими отправить и мои бумаги?

– Отчего нет, если доверяешь.

– Я тебя умоляю...

Нашу беседу прерывает горничная с телефоном в руках. Света ждёт, но горничная подходит ко мне.

– Это вас.

Опа-на... похоже, день начинается с сюрпризов.

– Слушаю.

– Аристарх Вяземский? – Голос в трубке принадлежит немолодому мужчине.

– Да, это я.

– Вас беспокоит Михаил Сергеевич Вяземский. Нам необходимо увидеться.

Кому это нам? У меня пока что такой потребности не возникло. Держу паузу. Есть, конечно, кое-какие сомнения, но предложение разумнее принять.

– Хорошо. Где и когда?

– Сегодня в два часа дня. В том же ресторанчике где вы обедали с господином Кардосо. Не зря мне казалось, что за мной следят.

– В два могу не успеть, у меня дела.

– Тогда в пять. К пяти успеете?

– Хорошо, в пять я буду.

Пошли гудки. Никакого тебе «до свидания». Впрочем, «здравствуйте», кажется, тоже не было? Пересказываю Светлане разговор. Морщит лобик, потом говорит:

– Предупрежу Хосе, пусть он тебя подстрахует.

Катин дом очень похож на дом Светланы и по размерам, и по замыслу архитектора. Осматриваю Катины комнаты. По совету Светланы отбираю некоторые вещи. Набралось три огромных чемодана. Спускаемся вниз. В холле нас ждёт Люсия, рядом с ней Серж – или всё-таки Сергей? Впервые имею возможность рассмотреть падчерицу Кати как следует. Молода, стройна, красива.

– Здравствуйте, Аристарх Игоревич, здравствуйте, тётя Света... – Голос слегка дрожит. Серж здоровается с нами наклоном головы.

– Здравствуйте, Люсия, здравствуйте, Серж. – Света здоровается тем же способом, что и жених Люсии.

– Аристарх Игоревич, мне надо с вами поговорить...

Люсия выжидающе смотрит на Светлану. Та подхватывает чемодан, и со словами «Я жду тебя в машине» направляется к выходу. Серж подхватывает оставшиеся вещи и спешит за ней. Люсия жестом указывает мне на кресло. Жду, пока сядет она, потом сажусь сам.

– Аристарх Игоревич...

Неожиданно из глаз Люсии брызжут слёзы. Она закрывает лицо руками. Рыданий почти не слышно, лишь плечи девушки слегка подрагивают. Не знаю, что предпринять: начать успокаивать, предложить воды – а где тут у них вода? Пока мечусь мыслями, всё успокаивается. Гроза обернулась лёгким дождиком. Люсия уже вновь смотрит на меня, смущённо улыбаясь. Знает ли она, что такой улыбкой может растрогать любого мужчину?

– Извините, дядя Старх... можно я буду называть вас так?

Ну, как такой откажешь? Бормочу что-то невразумительное, что она, видимо, принимает за согласие, впрочем, таковым это бормотание и является.

– Дядя Старх, я очень рада, что вы появились. Нет, правда. После смерти мамы-Кати – я её в детстве так называла – со мной творится что-то неладное. Чувствую себя кругом виноватой. Вы наверняка уже знаете, что мы в последние годы не очень ладили. Нет, это я с ней не ладила. Дядюшки и тётушки постарались. Я ведь её и вправду стала ненавидеть. А как увидела лежащую у лестницы, – это ведь я её первая обнаружила – словно пелена с души упала. Кинулась к ней, тормошу, а она не откликается. И тень за окном. Я ясно видела. Может, это был убийца? Поделилась своим горем с Сержем. – Значит всё-таки Серж. – Он парень хороший, даром что зануда. Стали мы думать, как от вскрытия ларца отвертеться, чтобы не подыгрывать убийцам, а тут вы. Теперь я спокойна. Всё пройдёт так, как хотела мама-Катя. Может теперь её душа меня простит, как вы думаете?

Я заглянул в её глаза. Нет, так притворяться невозможно. Девочка искренне верит в то, что говорит. Имею ли я право говорить от имени Кати? Не знаю, но Люсию надо обнадёжить.

– Я думаю, она тебя уже простила.

Снова блеск в глазах, но в этот раз обошлось без осадков.

– Спасибо вам, и передайте брату моему кровному Серёженьке, что я его люблю и прошу у него прощения, хотя с ним мы вроде и ладили.

– Обязательно передам.

Я поднялся с кресла, улыбкой попрощался с Люсией и направился к двери, откуда мне на смену уже торопился Серж.

**

– Аж слеза прошибла! – Светлана с удивлением и восторгом слушала мой рассказ. – Ай да Катюха, воспитала-таки девчонку! Ну, раз уж ты её от имени Кати простила... Нет, – пресекла она мою попытку оправдаться, – ты поступил верно. И раз Катя её простила, то уж мне сам

Бог велел. И пусть падёт на Люську великое всепрощение! А что до её слов о тени за окном... Ты знаешь о том, что в ночь, когда погибла Катя, из дома пропала женщина?

Этого я не знал.

– Что за женщина?

– Странная личность. Все звали её Мария. В дом её привела Катя примерно за год до гибели Сергея. Где и как они познакомились, я толком не знаю. Катя не любила говорить на эту тему, а Мария была малообщительна. В доме Кати она поначалу исполняла роль экономки. После гибели Сергея стала чем-то вроде компаньонки. А после рождения Серёженьки стала ещё и его нянькой. Полицию её исчезновение почему-то не заинтересовало.

– Думаешь, она причастна к убийству Кати? – спросил я.

– Нет. Я думаю, что она могла видеть убийцу, и тот увёл её с собой.

– Если ты права, то Марии тоже нет в живых...

**

Михаил Сергеевич сидел за тем же столиком, где я вчера обедал с Хосе. На столе стояла бутылка с водой и два стакана. Видимо, обедом меня угощать не собирались. Оно и к лучшему. Ужинать с врагом куда ни шло, но обедать надо исключительно с друзьями. Пока я располагался за столом, Михаил Сергеевич сидел, молча следя за моими действиями. Поприветствовать друг друга ни я, ни он попыток не предприняли.

– Посмотрите на эту фотографию, – Михаил Сергеевич положил передо мной пожелтевший от времени снимок. Трое мужчин, облачённые в форму офицеров царской армии. Двое мне были незнакомы, а вот третий... Это был сюрприз. – Вы кого-то узнали? – голос визави звучал резко и настойчиво.

Стараясь говорить спокойно, я ответил:

– Да, в центре сидит мой дед, Александр Сергеевич Вяземский.

– Я так и знал... – Михаил Сергеевич откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

Мизансцена хотя и показалась мне выдернутой из какого-то спектакля, но при сложившемся раскладе меня устраивала. Мне тоже надо было привести мысли в порядок. Деда я узнал сразу, потому что дома у меня хранится фотография, где он пребывает в той же позе, но в другом окружении и в форме командира Красной Армии. О том, что дед был царским офицером, мне до сего момента известно не было. Интересно, а кто два других офицера с фотографии? Как бы откликаясь на мой мысленный вопрос, Михаил Сергеевич открыл глаза и произнёс:

– Справа на снимке мой дед Сергей Сергеевич Вяземский, а слева его брат Михаил Сергеевич.

Ни хрена себе! Это что же получается? Слова не успели сорваться с губ, Михаил Сергеевич меня опередил.

– Сергей Сергеевич Вяземский бежал из России в 1920 году. Михаил Сергеевич погиб в начале того же года в бою под Иркутском. Их старший брат ещё в 1917 году примкнул к большевикам. Его имя предано в семье Вяземских забвению. – Михаил Сергеевич тяжело поднялся с места. – Более жестоко она нам отомстить не могла. – Не глядя на меня, он направился к выходу.

– Старх, ты где? – голос Светланы вывел меня из забытья. Она сидела на том месте, которое недавно покинул Михаил Сергеевич, и тревожно смотрела на меня. – Что тут произошло?

Я пересказываю ей весь монолог Михаила Сергеевича.

– Ни фиги себе! Получается, ты нелюбимый родственник этих наших Вяземских? Вот это Катюха им врезала!

– Ты думаешь, она знала? – спросил я.

– Знала? – переспросила Светлана. – Нет, не думаю. Если кто и знал, так это ведьма, которая ей тебя нагадала.

– С ней можно увидаться?

– С ведьмой? Я понятия не имею, где её искать, – пожала плечами Света, – да и зачем тебе это?

Действительно, зачем? Что это, по сути, меняет? Родню я всё равно не обрёл – они меня и знать не желают. Зато право на открытие ларца, видимо, укрепил.

**

Следующее утро началось в доме Светланы с визита Люсии и Сержа. По вполне понятным причинам приём им был оказан самый дружеский. Засиживаться, однако, ребята не стали, сославшись на занятость, и вскоре откланялись, вручив нам приглашения на свадьбу.

– Старх, ты точно сбрендил, – голос Светланы звенит от возмущения. – Мало того, что ты решил подарить Люське на свадьбу дом и машину, – это нормально, с этим я согласна – так ты ещё и шкатулку с драгоценностями к ним присовокупить хочешь!

– Что не так? – вяло отбиваюсь я.

– А то, что драгоценности было бы правильным поделить на три части: Серёже, тебе и Люське.

– Насчёт Серёжи ты, пожалуй, права, – согласился я. – Память о матери. Об этом я как-то не подумал. А мне-то зачем? Я бабских цапек не ношу.

– Ты не носишь, женщины твои носят: Ирина и Настя.

– Если они узнают, откуда цапки, то не возьмут, – отверг я её идею.

– Ты думаешь? – усомнилась Света. – Хотя, может, и не возьмут. Русские бабы – они гордые. Так ты им не говори, откуда – подари так, молча.

– Молча я не могу, – твёрдо ответил я.

– Ах, какие мы правильные, – с сарказмом произнесла Светлана. – Хрен с тобой, поделю на две части.

– На три, – поправил её я.

– Чего натереть? – не поняла она.

– На три части, говорю, дели.

– Всё-таки передумал?

– Нет, одна треть тебе.

Светлана с благодарностью посмотрела на меня, но от предложения всё-таки отказалась:

– Я так тоже не могу.

– А говорила, что я один тут правильный, – подколот я её. – Но хоть что-то на память возьми.

– Что-то и на память возьму, – согласилась Светлана. Она вывалила из шкатулки драгоценности, выбрала пару каких-то бирюлек. – Вот это – ты не против?

– Я же уже сказал.

– Ладно. Остальное делим пополам.

Её пополам оказалось явно в пользу Сергея, но я уже устал спорить.

– Хорошо, это я дарю Люсии, и положи всё в шкатулку.

Светлана хотела было возразить, но передумала.

– Ладно, пусть будут в шкатулке.

**

Наше появление на свадебной церемонии было встречено по-разному. Люсия и Серж были искренне рады. Хосе тоже не воздержался от дружеского приветствия. Остальные гости остались нейтральны, за исключением Вяземских, которые не стали скрывать своего неодобрения. Когда дело дошло до вручения подарков, я передал молодым документы на дом и машину, что было встречено гулом одобрения.

– И ещё одно, – произнёс я, стараясь говорить так, чтобы меня слышали только Люсия и Серж. – Это тебе от мамы-Кати.

Люсия сразу узнала шкатулку, заглянув внутрь, узнала и драгоценности, после чего обняла меня и прошептала на ухо:

– Спасибо, дядя Старх. И вовсе не за драгоценности. Ты понимаешь?

Я понимал.

**

Помимо меня и сотрудника банка при вскрытии ларца присутствовали нотариус и Михаил Сергеевич. На присутствии последнего настоял я. И вот наступил момент, которого потомки Сергея Сергеевича Вяземского ждали девяносто лет. Нотариус торжественно вручил мне ключ от ларца. Я аккуратно вставил его в скважину и осторожно повернул. Крышка откинулась, я выложил на всеобщее обозрение лежащие в шкатулке вещи. Внушительный православный крест-мощевик, православная же икона в дорогом окладе, бумаги, бумаги, бумаги... Не знаю, как Михаил Сергеевич, но я был глубоко разочарован. И вот из-за этого погибла Катя?

Я попросил нотариуса составить подробную опись всех вещей и бумаг в двух экземплярах, после чего сложил всё обратно в ларец, который закрыл ключом. Вручил одну опись родственнику и покинул помещение.

**

Совершенно опустошённые, смотрели мы со Светланой на содержимое ларца. Бумаги были внимательно прочитаны, и, по нашему разумению, имели ценность разве что для семейного архива. Крест, икона и сам ларец были тщательно изучены на предмет обнаружения тайников. Ларец и икона без подвоха. В кресте тайник имелся – но пустой.

– Что ты собираешься со всем этим делать? – Голос у Светланы был тусклым. Она, как и я, считала теперь гибель Кати совершенно бессмысленной.

– Поступлю, как завещано. – Среди бумаг нашлось обращение первого владельца ларца к тому, кто его откроет: «Ты вскрыл ларец, тебе и нести находящийся в нём крест». – Крест и бумаги оставлю себе, икону отдам Вяземским, ларец подарю Люсии под безделушки.

– Наверное, так и надо поступить, – кивнула головой Светлана.

На следующий день я собрал всех заинтересованных лиц и распорядился наследством Вяземских, как наметил. Помимо иконы я передал Михаилу Сергеевичу копии всех документов из ларца. И на этот раз «спасибо» всё-таки услышал.

Глава четвёртая

Мы сидели в гостиной просторного дома Кардосы, куда прибыли по настоятельной просьбе хозяина. Хосе не скрывал озабоченности и сразу перешёл к делу:

– Вам, Старх, грозит серьёзная опасность.

– Но откуда? – удивился я. – Вяземские, вроде, остались довольны разделом наследства.

– Михаил Сергеевич – да, а вот Николай Михайлович – нет. Вкупе с сынком покойного Удава он вознамерился отобрать у вас крест любой ценой.

В своём последнем письме Катя просила меня не объявлять войну её убийцам. Я был готов исполнить просьбу. Но как поступить, если войну объявят мне, об этом в письме ничего сказано не было. Во второй раз стоишь ты, Старх, перед подобным выбором. Хотя нет, пожалуй, в первый. Какой выбор был у молоденького сержанта Вяземского, когда он на призыв «Добровольцы, шаг вперёд!» шагнул прямо в горячую точку? – никакого и не было. А теперь есть, но я опять делаю шаг вперёд.

– Так вы не намерены добровольно расстаться с крестом? – спросил Хосе, видимо уже прочтя ответ на моём лице.

– Нет, не намерен, – отрицательно помотал я головой.

– Тогда у вас только одно решение: нанести предупреждающий удар и уносить ноги.

А что? Вполне грамотное решение. Но сначала хотелось бы услышать подробности от того, кто его внёс. Видимо, Хосе угадал направление моих мыслей, и не стал ходить вокруг да около.

– Вы устраняете сына Удава – я помогаю вам бежать из страны.

Деловой мужик этот Кардосо. И задачи поставил, и роли распределил. Сейчас ещё обоснует верность плана – и всё окончательно встанет по местам.

– Я не хочу быть напрямую причастным к убийству главы местной мафии. Иначе кровь будет литься и дальше. А так я сумею поладить с новым боссом. Кто из вас больше подходит на роль исполнителя?

Вопрос он адресовал явно Светлане, видимо, зная о её прошлом. Но ответ он получит от меня:

– Я. У меня есть боевой опыт.

Похоже, я удивил их обоих. Сначала успокаиваю Светлану. Говорю ей адрес горячей точки, и она тут же понимающе кивает головой. Заметив это, перестаёт сомневаться и Хосе. Он легонько хлопает ладонью по коленке.

– Пусть будет так. С составлением плана операции и вооружением я помогу. Сейчас поговорим о делах финансовых. Недвижимость госпожи Фернадес я покупаю за назначенную ей цену. Что касается акций, то могу предложить за них пятьдесят восемь процентов от реальной стоимости. Тридцать процентов готов перевести на указанные вами счета сразу после подписания бумаг, остальные деньги лягут на те же счета в течение года. Кроме этого, я беру на себя финансовое обеспечение вашего побега.

Переглядываюсь со Светланой. Она чуть заметно кивает головой.

– Хорошо, мы согласны.

– Отлично. Займёмся договорами? Нотариус уже ждёт.

Обедали мы дома (Дома – это в доме Светланы). Ели без вкуса – вовсе не из-за плохо приготовленной еды. Просто тревожные мысли подавляли ощущения. Послеобеденный разговор в моей комнате начали с расстановки точек.

Я сказал: – Светлана, если я правильно понял Хосе, тебе непосредственная опасность не угрожает? Может, нам стоит разделиться?

Она ответила: – Такая опасность может возникнуть после того, как ты разделаешься с Удавчиком. Можно, конечно, попробовать покинуть Рагвай до того, как...

– Именно это я и имел в виду, – встрял я.

– ... Не перебивай. Но этого мне, скорее всего, сделать не дадут. Думаю, что мафиози плевать на крест. Он подписался на это дело исключительно из-за денег – твоих и моих.

– Пожалуй, ты права, – вынужден был согласить я после некоторого раздумья.

– А раз так, то Хосе прав: только устранив Удавчика, мы имеем шанс вырваться на волю.

– Ох уж мне этот Хосе! Всё-то он предусмотрел...

– Подозреваешь его в двурушничестве? Напрасно. Хосе парень правильный. Но нам с тобой не кум, не сват и даже не друг. Сергею и Филу был другом, а нам нет. И чего ж ты от него хочешь?

А действительно, чего я от него хочу? Если всё сделает, как договорено, и на том спасибо.

**

Битый час мы с Хосе ломаем голову над планом ликвидации Удавчика. Грамотно стережётся, подлец. Подходы к дому тщательно охраняются. Покидает дом только под усиленной охраной. Поди, возьми его за рупь за двадцать. А брать я его должен в одиночку, и так, чтобы потом подозрение пало на меня. Уложиться надо в четыре дня. Этот срок мы определили сами, чтобы скорректировать планы Удавчика относительно меня. Грамотно пущенный слухок уже поведал заинтересованной стороне, что Вяземский и Фернандес намерены попытаться покинуть страну на автомобиле в понедельник через южную границу. Вот на этом маршруте он и будет нас подстерегать. А на ближайшие три дня мы приглашены в загородную резиденцию Кардосо на шашлык-машлык.

Мы продолжали искать варианты, устроив нечто вроде викторины в надежде, что либо вопрос, либо ответ даст нам хоть какую-нибудь зацепку. Нужный вопрос был по счёту тридцать каким-то и задал его я:

– А что любит делать мафиози по вечерам?

– Сидит на открытой веранде и дышит кислородом.

Я посмотрел на Хосе вопросительно.

– Что? – не сразу понял он. – Нет, не годится. Веранда выходит во внутренний двор.

Чёрт, опять мимо. Хотя...

– И что её ниоткуда не видно?

– Веранду?

– Ну да.

– Видно с одного холма. – Хосе рукой погасил мой вопрос. – Это очень далеко. Из винтовки не возьмёшь.

– А с помощью телескопа?

– ???

– С помощью телескопа увидеть веранду можно?

– Думаю, да, – пожал плечами Хосе.

– Съездим, посмотрим?

– Хорошо, давай съездим, – Хосе посмотрел на часы. – Поедим и поедем. А что, есть план?

– Пока не знаю, – уклонился я от ответа.

**

Вот она веранда, а вот и Удавчик. Прав Хосе: с такого расстояния из винтовки его не снимешь. Да ещё при таком ветре. Ветер...

– Хосе, а ветер каждый вечер дует в эту сторону?

– В это время года обычно да, а что?

– Мотодельтаплан у вас раздобыть можно?

– А что это?

– Тот же дельтаплан только с мотором.

Хосе посмотрел на меня странным взглядом, ничего переспрашивать не стал, отошёл в сторону и заговорил по мобильнику. Ко мне вернулся с довольным видом.

– Есть тут любители. Можно позаимствовать у них вроде как на прокат.

– Отлично! Тогда план таков. Я на дельтаплане подлетаю к дому мафиози, когда он кайфует на веранде, отключаю мотор и планирую прямо во внутренний двор. Не приземляясь, поражаю цель, включаю мотор и улетаю.

Хосе недоверчиво посмотрел на меня.

– И ты всё это сможешь проделать?

– В организации, где я до недавнего времени работал, есть секция любителей экстрима, так мы там и не такое проделывали, без убийства, конечно.

Идея пришлась Хосе по вкусу. Детали мы обсудили, вернувшись к нему домой. Вскоре план был согласован, хотя Хосе всё-таки смущал тип выбранного оружия. По сценарию оно должно быть лёгким и со слабой отдачей. Хосе настаивал на автомате. Я предложил арбалет.

– Даже если ты отличный стрелок, то надеяться на один выстрел очень рискованно, – увещевал меня Хосе.

– Автомат даёт слишком большое рассеивание. Да и отдача у него сильнее, чем у арбалета. А для пущей верности я после выстрела брошу на веранду гранату.

На том и порешили.

**

В пятницу мы со Светланой заехали в оружейный салон, где она приобрела арбалет. После этого побывали в клубе дельтапланеристов, откуда выехали с погруженным на прицеп мотодельтапланом. Два дня я демонстративно летал поблизости от загородного дома Хосе, а после обеда в воскресенье мы со Светланой распрощались с гостеприимным хозяином.

**

Всё шло, как и было задумано. На подлёте к дому Удавчика я заглушил и так не сильно шумный мотор и стал планировать. Над внутренним двором я оказался, находясь чуть выше веранды, на которой сидел мафиози. Меня он не заметил, поскольку был увлечён разговором с сидящей рядом женщиной. О гранате нечего было и думать. Но я не сомневался, что попаду, и она просто не понадобится. И попал. Стрела вошла точно в левую сторону груди Удавчика. Шум запускаемого мотора смешался с воплем женщины. А потом всё потонуло в ещё большем шуме. Сброшенные мной шумовые гранаты и дымовые шашки отвлекли охрану от моей скромной персоны. Приземлился я в назначенном месте, где меня ждала Светлана. Там же стоял прицеп, но машина была другая. Оставив дельтаплан рядом с прицепом, мы поехали на запад. В то же время, на автомобиле Светланы, очень похожие на нас мужчина и женщина отчаянно пылили в сторону автострады, ведущей к южной границе Рагвая.

Стрелок неторопливо наблюдал за автострадой. В бинокль были отчётливо видны даже номера проезжавших в обе стороны машин. Впрочем, таковых в это время суток было немного. Но вот на шоссе наметилось нечто любопытное. Два автомобиля на высокой скорости приближались к месту засады. Стрелок отложил бинокль и взял в руки винтовку. Теперь он видел машины через оптический прицел. Первую пропустил, а второй всадил пулю в правое переднее колесо. Машину развернуло боком, и следующая пуля попала в бензобак. Взрыв не оставил никаких шансов ни самой машине, ни находящимся в ней людям. Стрелок сделал несколько снимков на камеру мобильного телефона и покинул позицию.

Спустя несколько минут первая машина остановилась у пограничного поста. Проверивший документы пограничник обратился к пассажирам с вопросом, указывая на далёкий столб дыма.

– Не знаете, что там произошло?

– Где? – Женщина, очень похожая на Светлану Фернандес, повернулась в указанную сторону. – Боже, да там авария! Но мы ничего не видели. Это, наверное, уже после того, как мы проехали.

Ещё через сутки та же женщина стояла на палубе судна, покидающего порт соседней с Рагваем страны. За отплытием судна следили два солидных сеньора. Когда судно вышло из акватории порта и взяло курс в океан, один из господ обратился к другому:

– Вы согласны с тем, что условия сделки выполнены?

– Безусловно. Вот оставшаяся сумма.

Из рук в руки переключал солидный пакет.

Через час у мужчины, принявшего пакет с деньгами, зазвонил телефон. Звонок шёл из Рагвая. Выслушав собеседника, мужчина сказал в трубку:

– Мы ждали до последнего, но ваши люди не прибыли. Другой договорённости, кроме как следить, между нами не было. Час назад они покинули страну.

Его собеседник в Рансьоне отключил телефон. Что ж, это был последний промах покойника. Пора забыть об этом деле и приступить к приёму хлопотного хозяйства.

Мы добирались сюда весь остаток ночи, перед которой я застрелил Удавчика, и всё следующее утро. Как правильно это назвать: охотничий домик, бунгало? Одноэтажное сооружение с плоской крышей, состоящее из двух комнат, кухни и притороченной к ним огромной веранды теоретически можно назвать и так и так. Вяземский, а тебе не всё равно, как называется эта приютившая тебя хиба? А и правда! Тем более что есть тут вещи поинтереснее. Например, окружающая природа. Что вокруг, степь? Нет не степь: холмисто больно, да и растительности многовато. Кусты какие-то растут, а неподалёку пальмовая рощица. Пальмовая рощица! Куда меня занесло? Есть, конечно, всему этому научное название, только я его не помню. Лучше надо было географию в школе учить. А не слишком ли это самокритично? То, что заплутал в определениях между «саванной» и «прерией», ещё не означает, что я совсем ничего не помню из школьного курса географии. Про то, что здесь в октябре весна, я знал ещё до прилёта в Рагвай. Хотя, по моим понятиям, здесь сейчас самое настоящее лето. Не припекает, конечно, но греет основательно. Плечусь на веранду, хватаю первый попавшийся шезлонг и волоку его в тень одиноко стоящего дерева. Не успеваю толком задремать, как обнаруживаю рядом чьё-то присутствие. Лениво приоткрываю один глаз и тут же оба нараспашку. Чуть в стороне Светлана устанавливает шезлонг, но только не в тени, а на солнышке. Тонкая тряпочка, именуемая сарафаном, просвечивает насквозь. Взгляд уже не оторвать. Всё, что могу себе позволить, так это убрать довольное выражение с лица. По устоявшейся мужской привычке начинаю, уж

было, взглядом раздевать прелестницу. Не потребовалось. Лёгкое движение рук и тряпочка спархивает с восхитительного тела. На нём остаются лишь две полоски материи, из-под которых потаённая плоть отчаянно рвётся наружу. Ни тени смущения. Лишь насмешливый взгляд в мою сторону и столь же насмешливая речь:

– Плохо позавтракали, Старх? Решили полакомиться ещё и несчастной девушкой?

Отнекиваться не вижу смысла, лучше контратакую:

– Спасибо за идею. И если девушка не против...

Думал хоть тут смутиться. Не на ту напал!

– Бог с вами, Старх! Мы же друзья. Неужели вы и впрямь так мечтаете меня трахнуть?

Эту игру пора прекращать. Здесь я дилетант, а профи она.

– Это вы чересчур размечтались, барышня!

Стараюсь придать голосу нужную степень раздражения. Для большей убедительности поворачиваюсь к ней спиной. Похоже, прокатило. Голосок совсем покаянный.

– Ну, не сердись, Старх, я же пошутила.

Резко возвращаюсь в исходное положение.

– Я тоже пошутил. Предлагаю объявить ничью и закрыть тему. Лучше скажи, ты радио не пробовала слушать?

Голос опять насмешливый, но уже по другому поводу:

– Послушала бы, кабы оно было.

– Хочешь сказать, что в твоей машине нет радио?

– У меня в машине, – подчёркивает «у меня», – радио есть, а в той, на которой мы сюда приехали, – нет.

Воистину «приехали». Эка досада. Некоторое время поддерживаем режим молчания. Потом Светлана просит:

– Старх, расскажи о себе.

Биографией моей интересуешься, девушка? Да на здоровье, у меня секретов нет.

– Будь по-твоему, золотая рыбка. «Родился», «учился», я, с твоего позволения, пропущу, там ничего интересного нет. Интересное началось после того, как меня отчислили со второго курса института.

– За неуспеваемость? – невинным голоском спрашивает Светлана.

– Официально – да. А на деле... Начистил я рыло одному преподу – очень он любил девчонок лапать. А когда добрался до моей симпатии, я и не удержался. Бил я его аккуратно и без свидетелей. С этой стороны обошлось без шума. А вот экзамен он у меня так и не принял. И пошёл я на два года сапоги стаптывать. Первый год ничего, а в начале второго года службы построили нас на плацу, и замполит полка прочёл проникновенную лекцию на тему любви к Родине, которой очень досаждают нехорошие ребята. В конце, призвал он нас добровольно вступить за поруганную честь Отчизны-матушки. Когда прозвучала команда «Шаг вперёд!» весь строй шагнул, ну и я вместе со всеми.

– А отказаться было нельзя? – спросила Светлана.

– А ты сама много отказывалась? – вопросом на вопрос ответил я.

– Ну, я всё-таки была офицером...

– Это, конечно, многое меняет. Нет, Света, в наше время нас воспитывали так, что отказаться мы не могли. Ну вот, шагнули мы, значит, все, а в горячую точку отправились немногие, и я в том числе... Ты извини, про тот период я тебе рассказывать не буду, не люблю. Вернулся живой и здоровый. В институте меня восстановили, как испившего кровью...

– Ты что, был ранен?

– Бог миловал. Это я так, образно. После окончания института в поте лица трудился. Без отрыва от производства женился. Развёлся. Состарился. Познакомился на курорте с Катей. И вот я здесь.

Я замолк, ожидая вопросов. Но, то ли их не было, то ли Светлана решила приберечь их на потом. Ладно, коли молчишь ты, говорить буду я:

– Алаверды, Светлана!

Ответила не сразу, спрашивает очень осторожно:

– Это, в смысле, теперь моя очередь заголяться?

В её положении последнее слово звучит особенно смешно. Не выдерживаю и фыркаю.

– Заголена ты уже вполне достаточно. Расскажи о себе.

Теперь до самой дошло, что сказала. Смеётся, потом спрашивает:

– Что бы ты хотел обо мне узнать?

– Ну, например, как ты оказалась в чекистах?

Светлана легонько вздыхает.

– Честно говоря, по дури. Но это я потом поняла. А завербовали меня красиво, на идейной романтике. Потом спецшкола. Сейчас могу сказать прямо: готовили из нас агентесс с бледным уклоном. Хотя постоянно призывали блюсти достоинство: «Проституткой женщина становится тогда, когда позволяет обращаться с собой, как с проституткой». После спецухи попали мы с подружкой Ленкой в рай земной на берегу ласкового моря. И жизнь поначалу тоже была райской. Командиры по отношению к нам вольностей себе не позволяли. В профессию вводили аккуратно, без стресса. А когда начали подкладывать под клиентов, то сделали это заботливо, с элементами романтики. Потом приехала с инспекцией одна высокопоставленная сволочь и порушила всю романтику к ядреной фене. Полковник был любителем блондинок, поэтому Ленку от него спрятали, а меня, черненькую, оставили, думали, обойдётся. Не обошлось. Затребовал этот павиан меня в кабинет и без лишних слов завалил на стол...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.